

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

ЭКСМО

Воровской криминальный роман

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

«ЭКСМО»

2000

Сухов Е. Е.

Один против всех / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2000 — (Воровской криминальный роман)

Кулик – вор крутой, но справедливый. Он никогда никому не стрелял в спину, не бил лежачего, не совал нож исподтишка. Может, поэтому он стоит поперек горла не только милиции, но и кое-кому из братвы – уж очень независим и авторитетен. И майор Шевцов, и киллер братвы Носорог – люди серьезные, шутить не любят. Все же Кулика просто так не возьмешь. Он остается неуловим, а на удар отвечает двумя. Но даже бесстрашного Кулика достал беспредел – его загнали, словно раненого волка, он – один против всех. Нет, Кулик не сломался, он просто решил изменить жизнь и сделал совершенно непредсказуемый шаг... Книга также издавалась под названием "Делу конец – сроку начало".

© Сухов Е. Е., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	26
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	40
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	51
Глава 10	54
Глава 11	65
Глава 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Евгений Сухов

ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

Часть 1

Глава 1

Кобылья пядь во всех отношениях была местом дрянным. Она находилась сразу за Москвой, близ заброшенного кладбища. Здесь же дымилась городская свалка, где нашли себе приют три десятка бомжей, проживающих коммуной. Лет сорок тому назад Кобылья пядь была непроходимым болотом, там гибли не только бродячие псы и заблудшие коровы, но, случалось, и грибки.

Болото засыпали три раза. Первый раз в ту далекую пору, когда страна держала курс на индустриализацию. В Кобылью пядь было свалено три железнодорожных состава песка, но больная земля сожрала угощение, даже не поперхнувшись, а затем прорвалась зловонным гнойником через многометровые завалы. Вместо планируемого сталелитейного завода здесь образовалась местная свалка, которая со временем приобрела статус городской.

Второй раз с пядью пробовали расправиться совсем недавно уже местные власти: согнали к проклятому месту пару сотен рабочих, массу техники, и еще через несколько месяцев она превратилась в широкое гравийное поле, на котором даже трава отказывалась расти. Еще через год было построено пятиэтажное панельное здание, а уже через шесть месяцев оно ухнуло в топкую глубину вместе со всеми жильцами.

Злосчастное место обходили стороной. Нетронутыми оставались в этих местах ягоды и грибы, а всякому, кто случайно оказывался рядом, мерещились над болотом души сгинувших.

Едва ли не каждую весну из-под снега проклевывались «подснежники» – мертвяки, которых густо осаждали вороны. В таких находках не было ничего удивительного: чаще всего погибшими были бомжи, отдавшие богу душу от целого цветника болезней, однако случался и откровенный криминал. Впрочем, здесь к нему тоже давно привыкли.

В этот раз из-под растаявшего снега открылся обгоревший «Ниссан», небольшой микроавтобус на восемь мест. Автомобиль, уткнувшись капотом в слежавшийся снег, плотно застрял в узком овражке и напоминал боевую технику давно отгромыхавшей войны. Возможно, микроавтобус обнаружился бы раньше, не будь частых метелей со снежными заносами, которыми знаменательна была прошедшая зима.

Больше из любопытства, чем из желания поживиться, к обгорелому остову подобрался бомж с двадцатилетним стажем Степан Захаров, или просто Кочан. Он разгреб руками около окон подтаявший снег, выбил каблуком остатки стекла и заглянул в салон.

Крик ужаса непроизвольно вырвался из его груди и заставил тяжело вспорхнуть с соседней мусорной кучи нескольких ворон. Недовольно каркая, птицы покружились немного над свалкой и скоро опустились на прежние места.

Кочан, позабыв про шапку, побежал, не разбирая дороги, в сторону своей землянки.

* * *

Через несколько часов к свалке понаехала милиция. Четыре «лунохода», заливая синим мерцающим светом почерневший снег, выстроились почти в ровную линию, отгородив от

любопытных взглядов обгоревшую иномарку. Два полковника с сосредоточенными лицами, заложив руки за спину, прохаживались между кучами гниющего мусора. Капитан и два лейтенанта делали замеры пятиметровой лентой, немного поодаль стояла группа людей в штатском, сдержанно разговаривающих. Несколько сержантов, взяв микроавтобус в полукруг, короткими раздражительными окриками отгоняли особо интересующихся. Ощущалось общее напряжение. Один из полковников поманил Кочана пальцем, и тот, как солдат-первогодок, поспешил на зов, не обращая внимания на валявшийся под ногами хлам.

– Пока мы дожидаемся начальника управления, давай расскажи мне все как есть... Еще раз!

– А чего тут рассказывать, – недовольно буркнул Кочан, по-мальчишески шмыгнув крупным носом. Он уже повторил четыре раза все, что видел, и роль попугая его начинала заметно утомлять, и вместе с тем он стал проникаться собственной значительностью, что весьма льстило самолюбию. – Подобрался я к автобусу, думал, там чего ценное может лежать. Мало ли. Всякое бывает. А как заглянул внутрь, то жмуриков увидел. Меня всего от страха прямо-таки перекосило. К себе в землянку пришел, а меня там Пашка встречает. Ты чего, говорит, дрожишь-то? Я ему и рассказал все как есть. У нас бутылка водки в загашнике была. «Столичная», с заворачивающейся пробкой... До случая мы ее берегли... Так он мне ее протянул, пей, говорит. Я как приложился к горлышку, так и выдул ее до самого доньшка без передыха. Только так и унял нервишки.

– А машину ты эту раньше не видел? – строго посмотрел полковник на Кочана, как будто подозревал, что за рулем «Ниссана» находился он.

За Степаном Захаровым не числилось хвостов, единственное, за что его могли привлечь, так это за то, что в прошлом году он стащил на базаре пару мешков муки, но свидетелей его подвига не было, а потому он мог разговаривать с милицией совершенно безбоязненно. За бродяжничество тоже нынче не сажают, а потому Степан допускал некоторую вольность и держался с полковником почти нахально.

– Да господь с тобой, полковник! Если бы увидел, так сразу бы и сказал, машина не в пример нашим, приметная! Такая сразу запоминается.

– Как ты думаешь, когда она здесь могла появиться? – поинтересовался полковник, бросив короткий взгляд на обгоревший микроавтобус.

– Врать бы не хотелось, но думаю, где-нибудь в январе. Точно, в середине января! После Нового года мы сюда приходили подарки от праздника собирать, и машину я не видел.

– Это что еще за подарки? – нахмурился полковник. В этот день ему явно было не до шуток.

Кочан заулыбался, показав желтые прокуренные зубы:

– После Нового года приехал на свалку грузовик да сбросил сюда тонну консервов. Мы думали, просроченные, но нет, в самый раз. Вот мы два месяца их и ели. Не обидел нас Дедушка Мороз своим вниманием. Потом, как и полагается, неделю праздник отмечали, а потом уже снег пошел. Думаю, что в это время сюда автобус и приехал.

– Так, так, – неопределенно протянул полковник, размышляя о чем-то своем. – Сдается мне, этот наш разговор не последний. Где мне тебя найти, если еще показания потребуются?

– А чего меня искать-то? – искренне удивился Кочан. – Свалка – мой дом родной! Я всегда здесь, как меня выперла из дома жена лет двадцать назад, так и живу тут до сих пор. Безвылазно.

На лице полковника промелькнуло движение мысли: «А не упечь ли тебя, голубчик, на год в какое-нибудь учреждение, где живут за государственный счет: тебе теплее будет, да и нам спокойнее – свидетель не исчезнет».

И, как бы разгадав сомнения полковника, Степан Захаров стал уверять всерьез:

– А куда мне еще деться? Здесь мой дом, другого я не знаю. Некоторые в склепах живут, – махнул рукой бомж в сторону заброшенного кладбища, – спят на полках, где гробы ставили, но зимой там холодно, а я здесь привык. Хоть какие-то удобства.

– Ну-ну, – как-то неопределенно ответил полковник.

Красный «Мерседес» на белом снегу выглядел эффектно. Сделав небольшой круг, машина подъехала к группе людей в штатском, которые мгновенно подобрались и в напряженном ожидании развернулись в сторону представительного автомобиля. А потом задняя дверца отворилась, и из нее проворно выскочил худенький старший лейтенант и распахнул переднюю дверцу.

Полковник мгновенно потерял интерес к своему собеседнику и бойко устремился навстречу автомобилю.

Неторопливо, с большим достоинством, как человек, знающий себе цену, из салона вышел крупный высокий мужчина лет сорока с небольшим. Голова поднята, спина прямая, среди собравшихся он выделялся особой статью, более присущей строевым военным. Рост, осанка – все при нем, некий современный аналог Петра Великого в окружении челяди. Лицо по-юношески свежее, краснощекое, кожа так и кричала во всеуслышание, что хозяин не жалуется на табак. Он легко сошел бы за спортивную знаменитость, вышедшую в тираж, если бы не лампасы на брюках и генеральская кокарда. Мужчина посмотрел куда-то вдаль вверх собравшихся, за груды свалочного мусора, и произнес:

– Так.

Вроде бы ничего и не сказал значительного, а шороху навел немало.

– Товарищ генерал-полковник! – приложив ладонь к виску, начал докладывать круглолицый полковник.

– Отставить китайские церемонии, докладывать по существу.

Кроме внушительной внешности, генерал имел еще и незаурядный голос. Подчиненные невольно замерли, не то отдавая должное его вокальным данным, не то от обыкновенного страха.

Генерала звали Антон Игоревич Прохоров, должность он занимал немалую – являлся начальником управления внутренних дел и отвечал за область в целом. Свою карьеру он начал лет двадцать назад, будучи рядовым телохранителем в аппарате президента. Здесь же дослужился до капитана, а затем в судьбе его произошел крутой вираж – он был переведен в МУР, где возглавил один из отделов, а несколькими годами позже назначен на должность начальника уголовного розыска города. Возможно, кому-то иному такой поворот и вскружил бы голову, но только не Антону Игоревичу. Он намертво врос в роль начальника и держался так, будто прыгать сразу через несколько ступенек было для него самым обыкновенным занятием. В работе генерал был требователен и даже жесток, но свое дело, как оказалось, знал неплохо, и поэтому никто не удивился, когда первую генеральскую звезду Прохоров получил в тридцать пять лет.

– Сегодня утром бомжи обнаружили сгоревший автобус, а в нем девять трупов. Вокруг никаких следов, отсутствуют документы. Опознать трупы не представляется возможным, они просто спеклись. Видно, огонь был очень сильным.

– Та-а-ак, – в этот раз тональность была еще более значимой, в ней заметно ощущались нотки действия. – Пойдемте глянем.

Прохоров неторопливо зашагал к обнаруженной машине, рядом в качестве сопровождающего полковник Крылов Геннадий Васильевич. Генерал быстро прошел мимо застывших сержантов и, вытянув шею, заглянул через разбитое окно «Ниссана». Полковник не без интереса наблюдал за реакцией генерала. На лице Прохорова мгновенно отразилась гамма чувств, где было все: любопытство, брезгливость, жалость. Но над всем этим отчетливо доминировал откровенный ужас, запечатлевшийся в расширенных зрачках.

– Да-а-а, – отпрянув, наконец произнес генерал, – кому-то очень здорово не повезло.

– Что верно, то верно.

Полковник Крылов испытал нечто вроде удовлетворения: перед лицом всемогущей смерти не чуждо проявление самых обыкновенных человеческих слабостей.

– Что вы намерены делать? – отошел генерал в сторонку.

Несмотря на холод, его шею украшал самый обыкновенный уставной шарфик – даже в такой детали в нем чувствовалась прошлая армейская закалка. Очевидно, генералу было невдомек, что подчиненные не посмели бы на него обидеться даже в том случае, если бы он вздумал щеголять в подшитых валенках.

– Трудный вопрос, – сознался полковник. – Лично мне впервые приходится иметь дело с таким случаем. Думаю, и другим тоже. Трупы совершенно не поддаются никакому осмотру, они рассыпаются, едва к ним прикасаешься.

– Но, насколько я понимаю, здесь их тоже оставлять нельзя.

По гладкому лицу генерала пробежала ядовитая ухмылка. Сдержанно улыбнулся и полковник. Что бы там ни говорили, а в чувстве юмора начальству не откажешь.

Собравшись, полковник Крылов ответил совершенно серьезно:

– Так точно, нельзя. Пока трупы смерзшиеся, еще что-то можно предпринять, а через день-другой, когда начнет припекать солнце, пепел может просто размыться.

– И все-таки надо что-то делать, – генерал на минуту задумался. – Вот что предпримем: погрузите осторожно микроавтобус на платформу и аккуратно отвезите все экспертам. Я дам им распоряжение, пускай встречают.

– Слушаюсь! – вытянулся Крылов, понимая, что, возможно, это единственно правильное решение. С сообразительностью у Прохорова тоже все в порядке.

– Лично будете докладывать мне о ходе расследования каждый час. Вам все ясно?

– Так точно, товарищ генерал-полковник!

– У вас имеются еще какие-нибудь вопросы?

– Никак нет!

– Вот и отлично. Приступайте.

И, уже более ни к кому не обращаясь, Прохоров заторопился к «Мерседесу», застывшему посреди снежной поляны вызывающей божьей коровкой. Так же проворно молоденький адъютант распахнул перед хозяином дверь, и тот, слегка поблагодарив его кивком головы, сел рядом с водителем.

«Мерседес», сделав небольшой разворот, скрылся за узкой лесопосадкой, оставив после себя на грязном снегу следы от изящных протекторов.

Напряжение понемногу спало. Четыре сержанта разгребли лопатами снег вокруг автобуса, и молодой белобрысый майор, согнувшись в три погибели и уподобившись обычной ищейке, что-то тщательно изучал на земле.

– Вадим, подойди сюда, – негромко окликнул белобрысого Крылов. Майор с явной неохотой оторвался от своего занятия и, неторопливо ступая по свеженатоптанной тропинке, направился к полковнику.

– Нашел что-нибудь?

– Самую малость, – отозвался майор. – Окурки от сигарет «Кэмел», обрывок газеты «Известия» за 29 декабря и короткий шнур – возможно, таким же связывали жертвы.

– Негусто, – согласился полковник, наблюдая за тем, как раскрасневшийся от мороза майор что-то поднял с земли и, вооружившись огромной лупой, принялся изучать небольшой предмет. В эту минуту он напоминал скрупулезного энтомолога, выудившего из густой тропической травы неведомую доселе букашку.

– Судя по тому, что здесь произошло, акция была тщательно спланирована, – продолжал рассуждать майор. – Действовали люди, хорошо знающие свое дело. Ни малейшего намека на спешку. Покойники аккуратно уложены на пол. Руки и ноги связаны были веревкой, вероятно,

ее не хватило, и потому кисти одного из них перетянуты алюминиевой проволокой. Странно, но кусок проволоки в этом пожаре все-таки сохранился.

– Действительно странно, – согласился Крылов, на мгновение остановив свой взгляд на почерневшем каркасе. – Осыпалось даже железо, а кусок алюминия уцелел. Где, ты думаешь, было совершено убийство?

– Догадаться нетрудно: скорей всего где-то далеко отсюда. Во-первых, они были уже связаны, и сделали это не здесь. Иначе можно было бы разглядеть хоть какие-нибудь признаки борьбы. А во-вторых, уж слишком спокойненько они лежат. Если бы на момент пожара они были живыми, то выглядели бы сейчас совсем по-другому.

Полковник Крылов согласно кивнул.

– Логично. Весь вопрос заключается в том, где их убили. Знай мы это, сразу бы вышли на убийцу. В общем, так, ты займешься этим делом и отвечаешь лично за все. Хочу тебя предупредить откровенно, что в благоприятных результатах заинтересован губернатор области. В этом году у него перевыборы, и он не хотел бы иметь на своей шее девять трупов как еще один козырь в пользу оппонентов. Если детально покопаться в его прошлом, то и без этого можно будет предостаточно насобирать компромата. Так что, если дело зависнет, то одной стружкой обойтись не удастся. Даже не надейся! И тебя, и меня просто выбросят на свалку, слишком велики ставки. Мне-то не очень обидно, я уже послужил свое, и потом – у меня пути к отступлению неплохие есть, а твоя карьера может прерваться на самом интригующем вираже. Так что дерзай, майор, – суше, чем следовало бы, произнес полковник и, потеряв интерес к собеседнику, направился к своей машине.

Еще через полчаса по дорожке, расчищенной трудолюбивыми сержантами, к «Ниссану» подкатила платформа. Микроавтобус зацепили тросом, и многотонный тягач, малость поднапрягшись, выдернул из овражка страдальца. Его слегка трянуло, с крыши посыпалась обгоревшая ржавая жесь, зловеще щелкнули рессоры.

– Поосторожнее, мать твою, – не выдержав, матюгнулся блондинистый майор. – Если опрокинешь, я тебя руками все собирать заставлю.

– Товарищ майор, а по-другому нельзя, – высунулся из кабины улыбчивый старшина и виновато добавил: – Колесо в расщелине застряло.

– Ладно, давай двигай, только поаккуратнее.

Старшина уверенно завращал рычагами. Бульдозер, рассерженно зарывчав, крутанулся на правой гусенице и заехал к автобусу с противоположной стороны, потом осторожно стал толкать «Ниссан» на платформу. Диски зловеще царапали по железу, автобус медленно поднимался.

– Закрепи микроавтобус, – приказал майор Шевцов старшине и пошел к служебному «уазу». Плюхнувшись на переднее кресло, коротко обронил: – Поехали к Первой городской больнице. Будем наших клиентов дожидаться... в морге.

– Понял, – не выразил удивления водитель и, отжав сцепление, толкнул от себя ручку скоростей.

Груженная платформа двигалась в сопровождении трех «луноходов». По всему пути следования уже маячили дорожные инспектора и небрежной отмашкой давали «зеленую улицу».

Фиолетовые блики скользили по крышам автомобилей, покорно уступающих дорогу, заставляли прохожих оборачиваться, и они с любопытством провожали глазами странный эскорт. Никому из них даже в голову не могло прийти, что подобного почета удостоился не очередной «блестящий» политик, а прах девяти безымянных человек.

В одном месте навстречу платформе выехала белая «Ауди». Проворно вильнув, она едва увернулась от лобового удара. А уже в следующую секунду из «матюгальника» раздалась сдержанная брань:

– Куда прешь! Дай дорогу!

«Ауди» виновато сбавила ход и, прижавшись к обочине, пропустила вперед тонны металла.

* * *

Патологоанатомы ожидали автофургон с нетерпением, наконец он появился. Платформа, сбавив скорость, буквально проползла через ворота клинической больницы, в неуверенности остановилась перед многоэтажным зданием клиники и, сориентировавшись, свернула в сторону небольшого строения, где размещался морг.

Через окно кабинета Балашин видел, как милицейский «уазик» подъехал к самому крыльцу и из него выскочил молодой поджарый майор. Кирилл Олегович ткнул едва раскуренную сигарету в большую морскую раковину, заменявшую пепельницу, и, сняв со спинки стула пиджак, заторопился к двери. Он старательно скрывал свое волнение – столько трупов сразу, дело нештучное.

– Как довели? Без приключений? – спросил Балашин у майора.

Шевцов немного отодвинулся в сторону, пропуская эксперта, и, пожав плечами, проговорил неопределенно:

– А кто его знает? Там не поймешь ничего, ехали осторожно, весь город перекрыли. Впрочем, для них это уже все равно.

– Для них-то да, дорогой мой друг, но не для меня. Для нас с тобой все только начинается. В этом автофургоне? – кивнул Балашин на обгорелый каркас.

– Да, в нем.

– Ну что ж, пойдём посмотрим.

– Я уже посмотрелся, – без всяких эмоций произнес майор. – Если вы желаете сейчас заняться, так милости прошу.

– А чего тянуть, товарищ майор, так или иначе мне придется с ними работать. Раньше начнешь, раньше закончишь.

В подобные минуты в душе эксперта присутствовали два чувства: профессиональный интерес и обыкновенное человеческое неприятие всего ужасного. Он подошел к микроавтобусу и, ухватившись за покореженный металл, заглянул вниз.

Шевцов с интересом наблюдал за лицом эксперта. Тот мужественно выдержал эмоциональный удар, на лице его застыла непроницаемая маска. Но когда, наконец, Балашин повернулся, в глазах сохранился отпечаток увиденного.

– Да-а, – протянул он безрадостно, – зрелище для человека с твердой психикой. Не каждый такое может выдержать.

– Когда вы сможете дать свое заключение?

Кирилл Олегович постучал себя по карманам, выудил из пиджака помятую пачку и, вытянув сигарету, стал в задумчивости разминать ее пальцами. Затем скомкал пустую пачку и небрежно швырнул ее в угол двора.

– Насколько я понимаю, дело срочное, тут мне уже звонили... из управления, приходили даже из администрации. Но, сами понимаете, я все-таки не господь бог, попытаюсь сделать все, что смогу. Потом, я буду работать не один, нас целая бригада. Но хочу сразу предупредить, что обещать что-то конкретное очень сложно, в автобусе один пепел. Честно говоря, я даже не знаю, как к нему подступиться. Можно, конечно, восстановить облик погибших по черепам, но на это потребуется масса времени. А вас такой поворот дела вряд ли устраивает? – нервно отряхнул Балашин пепел.

– Мне хотелось бы иметь результаты как можно быстрее, – произнес Шевцов.

– Я не обещаю, что мы справимся со всеми делами завтра или, скажем, послезавтра, но на этой неделе вы их получите, – уверенно проговорил Балашин. – Хотя, признаюсь откровенно,

сделать это будет крайне сложно. Я работаю экспертом пятнадцать лет, но с подобным материалом сталкиваюсь впервые. Работать придется день и ночь. – Он выставил вперед ладонь и сказал: – Кажется, накрапывает. В этом году весна будет ранняя. Для начала нужно будет навес сделать, чтобы окончательно не потерять то, что имеется, а уж потом потихонечку перетаскивать трупы в морг. И вот там начнется самая работа. Вы бы как-нибудь осторожненько фургон-то выгрузили, а то, я боюсь, перемешаете все в одно целое.

Шевцов посмотрел на часы и ответил:

– Все согласовано, сейчас должен подъехать автокран. Вот мы и выгрузим аккуратненько.

Действительно, спустя несколько минут, едва протискиваясь через ворота, въехал автокран. Мерно загудела башня, поворачиваясь вокруг оси, и тотчас стрела вытянулась, зловеще зависнув над склепом на колесах. Два безусых сержанта расторопно проделали под автобус тросы и, лихо взобравшись на крышу обгоревшей машины, зацепили их на крюк. Обычная, каждодневная работа, если не знать, что внутри, прижавшись друг к другу, лежат несколько спешивших покойников. Даже последующая команда прозвучала не по-милиейски мирно:

– Вира, давай! Вира!

Автофургон слегка оторвался от платформы. Печально сопротивляясь нагрузке, скрипнула стрела подъемного крана, и микроавтобус, тяжело качнувшись в воздухе, двинулся в сторону небольшой расчищенной площадки рядом с моргом. Резко ударил порыв ветра, и на стоявших внизу людей полетели комья слипшегося снега. На мгновение страшный груз беспомощно завис в воздухе, а потом вполне по-мирному раздался крик стоящего внизу юного сержанта:

– Майна, майна! Сюда давай! – замахал он руками.

Трехтонная глыба – сплошь железо, чуть накренившись, медленно поползла вниз. Аккуратно, как это могут делать только профессионалы, шофер поставил «Ниссан» в самый центр условного места.

Балашин бросил себе под ноги недокурный бычок, растоптал его низким каблуком с каким-то хищным азартом и негромко объявил:

– Все, работа началась! Ну, давай, майор, – протянул он на прощание ладонь и заторопился к площадке.

Глава 2

Ольга, подложив под спину подушку, курила. Делала она это очень изящно, впрочем, как и все остальное. С небрежностью, за которой чувствуется особый шик, сжимала сигарету между указательным и средним пальцами и, сложив губы словно для поцелуя, выпускала тоненькую струйку дыма, с интересом наблюдая за ее превращениями. Так же красиво Ольга готовила обед, залезая половником во вкусно пахнущее варево, без конца приправляя его чем-то и что-то подсыпая. И, конечно же, ей не было равных в постели: раззадорившись, она выпивала такие кульбиты, что даже вавилонские жрицы в сравнении с ней выглядели бы просто невинными созданиями. И вместе с тем ее фантазии были насколько же непосредственны, настолько высокоартистичны.

Даже сейчас, уже сполна насытившись ее телом, Стась не потерял к ней интереса и продолжал изучать ее глазами со страстью монаха, впервые нарушившего свой плотский обет. Все в ней было аккуратно, как будто, кроме создателя, над ее обликом поработал еще и прилежный садовник – Ольга была прибрана и подстрижена, словно английская клумба.

Проследив глазами за выпущенной струйкой дыма, девушка наконец перевела взгляд на Стася. В расширенных зрачках, в которых блуждало отражение от полыхающих свечей, читалось: а достоин ли ты моего откровенного ответа? И, видимо, отбросив последние сомнения, она отважилась на признание:

– Он был первым моим мужчиной. Даже не помню толком-то, как это произошло... Одно могу сказать точно, что в Новый год. Выпила я бутылку шампанского и поплыла. Как это бывает частенько с дамами. А потом было так хорошо – музыка, танцы, он прижимал меня к себе. Я чувствовала его сильные руки, плечи...

– В общем, тебе захотелось. – Стась уверенно положил ладонь на бедро подруги, и осторожно, безо всякой суеты его пальцы заскользили к ее паху. Он знал, что такая ласка ей нравилась, и Ольга, как бы соглашаясь с этим, подвинулась к нему ближе.

– Можно и так сказать. Он был со мной нежен, и я решила как-то отблагодарить его, что ли... Все неожиданно куда-то исчезли, оставив нас одних, он предложил выпить на брудершафт. Мы крепко поцеловались, а дальше все случилось само собой.

– Где он сейчас обитает?

От сигареты остался длинный фильтр. Ольга небрежно воткнула его в стеклянную пепельницу и равнодушно произнесла:

– В банке «Российские дороги» заведует отделом по внешним связям. У них там клерки по тысяче долларов получают, а что говорить о таких людях, как он. Так что он человек очень состоятельный.

Девушка закинула руки за голову и с интересом стала наблюдать за стараниями молодого человека. Она уже наперечет знала все его приемчики, беда, что они не отличались особым разнообразием. После того, как он погладит ее бедра, захочет погрузить два пальца во влажную плоть.

– После него у тебя был кто-нибудь еще? – Рука Стася поползла вниз вместе с нахлынувшим возбуждением.

– Да, был еще один парень, – в голосе послышалась едва заметная грусть. – Если впервые произошло случайно, то второго я любила всерьез.

– Кто он?

– Обыкновенный студент. Бегала за ним, как дура! Поджидала его в подъездах, встречала с лекций, прямо затмение на меня какое-то нашло!

– Это на тебя не похоже, – согласился Стась. – Трудно представить, что такая красивая девушка, как ты, способна бегать за кем-то. Скорее наоборот.

Ноготь слегка царапнул по коже, причинив боль. Ольга сделала вид, что не заметила грубости.

– Что делать, так и было, совсем голову потеряла. Он тогда бедный был, любил ко мне приходиться, а я его котлетами откармливала. Это сейчас он крутой такой, да при деньгах, а тогда у него одни штаны были.

– Чем он занимается?

– Он танцор, работает в стриптиз-баре. Видела его не так давно, говорил, что за один вечер получает восемьсот баксов.

– Приличные деньги, – уважительно протянул Стась.

– Неплохие.

– Не переживай, малышка, пока я с тобой, все будет хорошо. Считаю, что я тебя принял на полный пансион.

Ольга кокетливо улыбнулась:

– Мне, конечно, это лестно, но я ведь очень дорогая женщина.

– Меня не пугают предстоящие траты, я достаточно состоятельный человек.

Он слегка сжал бедро девушки, оно было таким упругим, а кожа прозрачная, на ней синими ручейками едва заметно обозначились вены, и очень тонкая, кажется, что нужно всего лишь небольшое усилие – легко провести по ней ногтем, – чтобы она беззвучно разошлась.

– Ты мне делаешь больно, – спокойно произнесла Ольга.

– Прости, не хотел, – отозвался Стась.

Действительно, на коже остались едва заметные следы от ногтей – он явно увлекся собственными фантазиями. Ольга имела безукоризненную фигуру, она возлежала на роскошных простынях с небрежной изысканностью.

– Ты что-то еще хочешь спросить?

– С чего ты взяла? – удивился Стась.

– Ну-у, – красавица слегка повела плечом, – просто ты как-то странно на меня смотришь.

– Ты очень красивая, и я люблю тебя. Я не хочу тебя больше делить ни с кем! Ты будешь всегда со мной.

– О! – приоткрыла свой крохотный ротик Ольга. – Это звучит как предложение, а ты не боишься, что я могу неожиданно согласиться? А потом привыкну к тебе и не захочу больше расставаться.

Стась убрал руку, но только для того, чтобы следующая его ласка сделалась еще более бесстыдной.

– А ты фантазер! – не то укорила, не то похвалила избранница.

– Когда ты меня узнаешь поближе, то поймешь, что это еще не все мои достоинства.

– Знаешь, что меня больше всего удивляет в наших отношениях?

– Любопытно послушать, что же?

– Почему ты обратил внимание именно на меня? Ведь в тот день в баре было много девушек, одна красивее другой. Ты парень видный, сразу заметно, что из состоятельных, никакая не посмела бы тебе отказать.

Ольга чуть приоткрыла рот, будто опасаясь задохнуться от нового нежного прикосновения. Удивительно, но за несколько встреч он научился играть на ее теле так же тонко, как Страдивари на своем инструменте.

– Ты желаешь откровенности? – Стась положил на ее бедро вторую руку, которая тут же неторопливо и с большим умением отправилась в сладостное путешествие.

– Разумеется. Ведь между нами, как мне кажется, установились доверительные отношения.

Неожиданно Стась почувствовал прилив страсти – острый и одновременно нежный. Он притянул к себе Ольгу за талию, и тела их соприкоснулись горячо.

– А здесь нечего объяснять, детка. Просто ты мне очень понравилась. И кроме тебя, я больше никого не видел. Еще ты покорила меня своей свежестью. И потом, от тебя так вкусно пахло; какими духами ты пользуешься?

Она довольно улыбнулась:

– Французскими, «Органза». Это подруга мне посоветовала, говорит, побрызгаешься немного, и любой мужик твой. Видишь, духи не подкачали. А я ведь тоже на тебя сразу обратила внимание. Как ты вошел в зал, я уже больше ни на кого и не смотрела. Все хотела, чтобы ты ко мне подошел, и ты меня услышал, – в ее глазах плескалась самая обыкновенная женская радость. – А ты не разочаруешься во мне, если я стану пользоваться другим парфюмом?

Когда Стась увидел Ольгу впервые, то она очень напоминала столичную штучку, которая в полумраке помещений, среди обилия самых дорогих напитков и разносолов, чувствует себя так же комфортно, как форель в проточной воде. Но стоило снять с нее золотые украшения и слегка разговорить, то под яркой оберткой и внешней недосыгаемостью скрывалась самая обычная красавица из далекой глубинки, усвоившая принцип – не знакомиться с молодыми людьми на улице.

– Кто знает, кто знает, – очень серьезно отвечал Стась, – для начала я куплю тебе те самые французские духи, а там посмотрим.

Тело Ольги горело, все более наливаясь любовью, и требовало немедленного утоления желания, как истрескавшаяся земля благодатного ливня.

Стась взглянул на часы и печально произнес:

– Мне надо идти, детка.

– Фи! Какой ты противный, не расстаешься с часами даже тогда, когда лежишь в постели с очаровательной женщиной.

– К сожалению, мои дела за меня никто не выполнит, крошка, – произнес Стась и бережно убрал руку Ольги со своей груди. Неторопливо, всем своим видом демонстрируя нежелание расставаться, он поднял со стула брюки. – Я к тебе зайду завтра. Ты кому-нибудь говорила о том, что встречаешься со мной?

Ольга улыбнулась:

– Сейчас ты похож на строгого учителя, который отчитывает меня за то, что я не выполнила домашнее задание. Не беспокойся, никому не говорила. Это не в моих правилах – посвящать подруг в свои интимные переживания.

– Ладно, я тебе верю, – произнес Станислав, застегивая рубашку.

Ольга не торопилась подниматься. Она даже не пожелала набросить на себя одеяло, как это делают женщины после близости. Своей непосредственностью Ольга напоминала малолетнее дитя, которое возится в песочнице и не подозревает о том, что у него не прикрыты гениталии.

– А где твои эти... как их назвать... оруженосцы или, так сказать, телохранители?

– Один стоит у дверей, а двое других в машине у подъезда, – просто объяснил Стась, затягивая ремень.

– И все это время он стоял у дверей?! – ахнула Ольга.

– А что сделаешь, у них такая работа. И потом, за некоторый дискомфорт, что они испытывают у меня на службе, я их сполна вознаграждаю. Не переживай за них, девочка, с ними все в порядке. Ты не закроешь за мной дверь?

– Сейчас, – Ольга поднялась с постели и босыми ногами затопала к двери.

– И очень тебя прошу, не считай моих людей статуями. Они такие же, как и мы с тобой, и способны возбуждаться. Накинь, пожалуйста, какой-нибудь халатик.

– Подумаешь, – неопределенно повела плечами Ольга.

– И еще одна деталь, детка: я не хочу делить тебя ни с одним мужчиной, пусть даже это будет случайно брошенный взгляд.

– Я все поняла, – промолвила она, запахивая халат. Ольга была из того племени женщин, которых не смогла бы испортить ни одна одежда. Даже если бы она надела обыкновенный мешок с вырезами для головы и рук, то и в таком виде осталась бы королевой.

Запоры замков звонко щелкнули, и дверь мягко открылась, в проеме показался невысокий мощный парень. При виде Ольги лицо его мгновенно сменилось безразличием. Он старательно притворился, что не сумел рассмотреть под случайно распахнувшимся халатом крепкие аппетитные ножки. Его поведение было похоже на поступок голодного пса, мужественно отвернувшегося от жареной сосиски.

– Не будем целоваться, милая, я с тобой еще не прощаюсь.

Девушка слегка пошевелила пальчиками и захлопнула дверь.

– А киска у тебя, Стась, ничего. Когда ты ее присмотрел? – спросил крепыш.

Станислав никогда не отделялся непроницаемой стеной от телохранителей. В первую очередь он рассматривал их как партнеров по бизнесу, но сейчас вдруг уяснил, что пора определяться с границами.

– Послушай, Славик, и запомни раз и навсегда: все, что я делаю, не подлежит никакому обсуждению, тем более если это касается моих баб! Ты хорошо меня понял? – жестко спросил Стась.

Всем известно, что сцепившиеся волки обладают гипнотическим даром, и, прежде чем разорвать артерию на шее у противника, они прощупывают друг друга взглядами. Именно в таком бескровном поединке часто определяется сильнейший. По закону природы более слабый обязан виновато отвести глаза и в знак полного подчинения подставить горло. Если же этого не произойдет, то уже в следующую секунду строптивец может захлебнуться собственной кровью. Славик обезоруживающе улыбнулся и простовато ответил:

– Хорошо, как никогда.

– И если ты об этой крошке когда-нибудь нелестно отзовешься... в общем, мне это очень не понравится.

– Не нужно повторять, патрон, я из понятливых, – улыбка провинившегося сделалась совсем широкой.

В характере Стася происходили значительные перемены, и не заметить этого мог только слепой. Еще какую-то неделю назад они обменивались подругами так же легко, как мальчишки новенькими марками, и, не смущаясь, делились интимными ощущениями, а сейчас он не желал об этом говорить вовсе. И комнату покидал одухотворенный, будто вместо совоплощения занимался очистительной молитвой.

Ах, Станислав, запал ты на эту блондиночку, крепко запал!

Опережая Стася лишь на шаг, Слава распахнул дверцу «Мерседеса» и как бы невзначай скользнул глазами по близлежащим подворотням, зацепив взглядом окна верхних этажей противоположного дома – очень удобная позиция для снайпера.

Плюхнувшись в кресло, Стась Куликов коротко бросил шоферу – гладколицему краснощекому парню лет двадцати пяти:

– Стриптиз-бар на набережной знаешь?

– А то! – весело заулыбался водила. – Там такие классные соски попками вертят.

– Давай туда, – коротко скомандовал Стась.

– Шеф, но сегодня там мужской стриптиз. Там полный зал голубых, как-то не с руки...

– Может, ты мне будешь советовать, что с руки, а что нет? – грубо оборвал хозяин.

– Все понял, – водила переключил первую скорость.

За те два года, что Игнат возит своего хозяина, ему казалось, он достаточно изучил его характер, и поэтому беспричинная раздражительность выглядела странной. Но куда более удивительным показался визит в «Мустанг» в такой день – прежде подобного интереса к сексуальным меньшинствам у шефа не отмечалось.

Уверенно вырвав на Тверскую улицу, шофер обогнал с правой стороны «десятку» и, притопив газ, смело поехал вправо, пересекая три полосы. Игнат Лобов был водителем отменным, еще не так давно он выступал за сборную России на автогонках и на трехполосной дороге чувствовал себя, словно ферзь на шахматной доске. Кроме собственного удовольствия, Игнат хотел и угодить шефу, тот тоже обожал расчетливо-агрессивную езду и по-мальчишески выставлял палец вверх, когда удавалось сделать иного лихача. Дорога доставляла Лобову сильные ощущения, и в быстрой езде он находил самовыражение. Впереди, не желая уступать, мчалась белая «Вольво». Ее невозможно было обогнать справа, потому что на соседней полосе, выстроившись в плотный ряд, колесили тихоходы. Удобно было обойти машину слева, выехав на встречную полосу, но в этом случае у Игната было всего пять секунд для маневра, потому что за поворотом показалась оранжевая кабина «КамАЗа». Он вдавил педаль в пол, крутанул руль, и «Мерседес» послушно съехал в сторону, едва не цепляя боковиной проезжавшую мимо «Вольво», и вырвался на длину капота. Водитель шведского авто, средних лет мужчина, тоже прибавил газу, и секунд десять машины ехали вровень. Игнат Лобов видел, что прямо на него мчится «КамАЗ», который напоминал сорвавшуюся с кручи лавину, что, подминая на своем пути все препятствия, движется к подножию. Еще секунды три, и огромные колеса тяжелого грузовика с легкостью подомнут под себя кузов «Мерседеса», расплющив тоннами железа сидящих в салоне. Игнат уже рассмотрел расширенные от ужаса глаза водителя большегруза, но в следующее мгновение резко крутанул руль вправо, заставив «Вольво» сбросить скорость.

– Еще одно такое лихачество, и ты останешься без работы, – очень спокойно заметил Стась.

Лобов посмотрел на шефа. Похоже, хозяин меняется, прорезалась неприятная черточка в его поведении – помнится, совсем недавно тот любил лихую езду, такую, чтобы от напряжения закипала кровь, а выделяющийся адреналин молотил в висках.

– Больше не буду, – покорно отозвался водитель, будто бы ничего не произошло, и, сбавив скорость, позволил обогнать себя «Вольво».

Обладатель шведского авто с интересом посмотрел на позорно отставшую иномарку, покрутил для убедительности пальцем у виска, и еще через несколько секунд его автомобиль затерялся в движущемся потоке.

У «Мустанга» в этот вечер народу было немного. Парадный вход перекрывали четверо парней в черных, безукоризненно отутюженных фраках. Но достаточно было показать приглашения, как они моментально расступались и с самыми располагающими улыбками пропускали в бар посетителей.

Неторопливо, как человек, знающий себе цену, Стась Куликов вышел из машины и уверенно, не замечая преграды из крепких мужчин, направился в сторону бара. Славик, сунув правую руку в карман, угловатой тенью последовал за боссом. Цепким взглядом профессионального телохранителя он улавливал любое движение. Стась был в нем уверен: даже если кто из вышибал надумает воспользоваться пушкой, неряшливо торчащей за поясом, то прежде, чем дотянется до рукоятки, свалится лицом в грязь, простреленный из коротко-ствольного «вальтера».

Невидимая, но очень осязаемая угроза исходила и от самого Стася. Несмотря на его располагающую внешность и улыбку, превратившую лицо в застывшую миролюбивую гримасу, было ясно всем, что он опасен, как раскладная бритва. Нечто подобное можно чувствовать, находясь в явной близости с боеприпасами. Пускай запал в снаряд не вставлен, но всегда держись настороже, рвануть может так, что потом невозможно будет собрать даже по частям. Не увидели, а скорее угадали инстинктом, заложенным в каждом самце, что перед ними фигура непредсказуемая, и расступились, пропуская Стася вместе с телохранителем в бар. Парни во фраках проводили впечатляющую пару долгим взглядом до просторного холла, освещенного

яркими огнями. И потеряли к ним интерес, когда гости свернули в сторону служебных помещений

– Ты что его пропустил-то? – спросил улыбчивый паренек с плечами тяжелоатлета у стоящего рядом напарника, такого же крупного детины с широкими, размером в большую сковороду, ладонями.

– Ну ты даешь! – искренне изумился тот. – Ты что, не узнал его? Это же Кулик!

– Да? – в голосе атлета прозвучала нотка уважения. А как еще следует относиться к человеку, который дал «крышу» едва ли не половине города.

– Таких людей в лицо следует знать.

– Надо будет запомнить.

В этом здании Стась уже бывал. Несколько лет назад здесь была городская столовая, нынче – вполне приличный бар. Впереди – обитая дорогой кожей дверь. Не замедляя шага, Кулик уверенно толкнул дверь ладонью и прошел в комнату. В самом углу, спрятавшись за огромным дубовым столом, на низеньком кожаном диванчике расположился хозяин заведения – Алексей Москвин, крепенький гриб-боровик. А у него на коленях, закинув голые ноги на спинку дивана, сидела белокурая бестия лет восемнадцати и так весело крутила тазом, что напоминала ящерицу, которой прижали хвост.

– Кажется, я не совсем вовремя, – чуть смущенно протянул Стась.

– Брысь отсюда, – запросто согнал Москвин девушку.

Блондинка, приподнявшись, осторожно освободилась от объятий Москвина, встряхнула светло-русые волосы и с независимым видом направилась к креслу, где лежало голубое платье и черные полупрозрачные трусики. Она даже не посмотрела в сторону вошедших, на лице ни малейшего намека на смущение. Так же величаво по узкому подиуму разгуливают длинноногие модели. Гости в который раз убедились в том, что такие избранницы живут вовсе не на небесах и устроены по образу и подобию сотен обыкновенных женщин, полжизни проводящих на кухне.

Девушка мимоходом взяла трусики, вдела сначала одну ногу, потом – другую; ладонью расправила у самого паха образовавшуюся складку – причем очень буднично и непосредственно, словно находилась одна в своей ванной комнате. Затем неторопливо надела платье, которое оказалось необычайно коротким и при активной ходьбе могло поведать окружающим о многих тайнах хозяйки, и весело произнесла:

– Пока, мальчики!

Обладательница черных трусиков игриво подвигала тоненькими пальчиками и уверенно направилась к выходу.

– Прошу, мадемуазель, – радушно распахнул Славик дверь.

Девушка даже не взглянула на него, воспринимая это как должное, лишь у самого порога она стрельнула в Стася зелеными глазницами, и он в ответ мгновенно оценил, что перед ним настоящая самка.

– Приглянулась? – Москвин застегнул ремень. – Могу организовать, девочка она понимающая. Стоит дорого, но тебя может обслужить по льготной таксе. Заметил, что ты ей понравился, глазки-то у нее вмиг вспыхнули. Сразу угадала в тебе состоятельного мужчину.

– Ты бы хоть дверь на ключ закрыл, – мягко пожурил Стась, присаживаясь на высокий мягкий стул.

– А-а, – махнул рукой Алексей, – обычно ко мне никто просто так не заходит, а если и стучатся, то ждут разрешения. Ты являешься... приятным исключением, приходишь ко мне без предупреждения.

Ближе к двери присел на край дивана Славик. Он умел быть незаметным, несмотря на широкие габариты, а через десять минут разговора окружающие воспринимали его почти как офисную мебель, обтянутую в дорожную кожу.

Стась улыбнулся:

– У меня такое впечатление, что тебя сегодня мало ласкали.

В Алексее Москвине уже ничто не напоминало прежнего гусара, держащего за ягодички даму; в костюме за пять тысяч долларов, в сочетании с дорогим полосатым австрийским галстуком, он походил на президента какой-нибудь крупнейшей корпорации, но уж никак не на бывшего сутенера высшей квалификации.

– Ничего, у меня еще впереди целый вечер, так что без интимных встреч никак не обойтись. Так какие дела тебя привели ко мне?

– Я хотел у тебя спросить, в твоём баре танцует Ивашов Гера?

Брови Москвина удивленно подпрыгнули вверх:

– В моем.

– Что это за парень?

– Ты хочешь спросить, голубой или нет? Не замечал, чтобы баловался с мальчиками. Парень как парень, хорошо сложен – женщинам это очень нравится. На сцене вытворяет такое, что они пищат от восторга. Он ведь не только у меня выступает, но еще в четырех барах, так, представляешь, два десятка женщин мотаются за ним каждый вечер из бара в бар, только чтобы не пропустить его представление. Поклонницы. Ну что еще?.. Приятен в общении, очень остроумен. Его я не обижаю, плачу достаточно, так что на жизнь ему вполне хватает. А в чем, собственно, дело, он что, тебе денег задолжал?

– Все в порядке, не напрягайся, я слышал, что он пару лет прослужил в ФСБ, хотел бы через него выйти на одного человека, – спокойно сообщил Куликов.

Москвин блеснул «Ролексом» и почти с воодушевлением сообщил:

– У него сейчас номер, ты можешь посмотреть его в деле.

– Что ж, пойдём, – поднялся Куликов, увлекая за собой Славика, так и не проронившего ни слова. – А тебе не кажется немного странным, что биография разведчика развивается именно таким образом?

Алексей Москвин гостеприимно распахнул перед ними дверь, пропуская вперед, и, слегка пожав плечами, отвечал:

– В первую очередь меня интересует, как он танцует, а что у него в башке – дело десятое. И потом, в наше время каких только не встретишь метаморфоз. Я встречался с киллерами, которые в свое время были ментами, так что танцор – это не самое страшное.

Зал в «Мустанге» был небольшим, но он выигрывал за счет умелого расположения столов и узкой сцены, на которой было установлено три толстых шеста. Что сразу бросалось в глаза, так это преобладающее присутствие женщин. В подавляющем большинстве броско одетые, со сверкающими глазами, они напоминали молодых львиц, вышедших на охоту, и когда на сцене в черных переливающихся костюмах, под свет лазерных лучей, появилось трое гибких мужчин, женщины завизжали от восторга. За боевым кличем следует бросок, и через мгновение, не сговариваясь, расталкивая локтями друг друга, женская масса заторопилась поближе к танцорам.

В темном углу, взявшись за руки, сидела странная парочка – совсем юный круглолицый блондин и черноволосый мужчина средних лет. Они всерьез были заняты друг другом и только иной раз бросали короткие взгляды на сцену; совсем не нужно было обладать аналитическим мышлением, чтобы понять – впереди их ждала бурная ночь.

А страсти на сцене все разгорались: синхронно, как хорошо отлаженный механизм, парни под рваные ритмы сбросили с себя пиджаки и просторные рубахи. Девушки кричали, хлопали и выказывали такое восхищение, какое не часто увидишь на концертах ведущих групп. Стась с улыбкой подумал о том, что мужчины на женском стриптизе ведут себя куда скромнее, и самое большее, на что они отваживаются, так это похлопать проходящую танцовщицу по попке. Танцоры действовали умело и разогревали собравшихся отточенными движениями. Некоторые из дам, поддавшись общему веселью, чуть не выпрыгивали на сцену, и только сосредоточен-

ные лица стриптизеров удерживали их от решительного поступка. Среди троицы выделялся шатен лет двадцати пяти, атлетично сложенный, с гибкой талией, на полголовы выше партнеров, он задавал ритм, и парни ориентировались на него, – точно так поступает многоопытный оркестр, услышав призыв первой скрипки. Трудно было сказать, в какой момент он расстегнул «молнию», но через миг брюки уже летели в сторону зала под громкое ликование поклонниц. Незамедлительно то же самое проделали и другие двое, представ в ярко-красных плавках – цвета любви.

Стась из своего угла с интересом наблюдал за тем, что же будет дальше. Девушки, разгоряченные выпитым шампанским и еще более пьяные от увиденного, вплотную подступили к сцене. И тут произошло неожиданное – шатен изогнулся и ловко выдернул за руку одну из девиц. Раздался короткий женский визг – полный ликования и отчаяния одновременно. Толпа отпрянула, но лишь на мгновение, чтобы вновь и еще теснее сплотиться вокруг своих кумиров. А парень делал с девицей все, что хотел, – он крутил ее, подбрасывал в руках, как бы невзначай поглаживая чувствительными пальцами по крепкой груди, и каким-то незаметным и выверенным движением, в две секунды, расстегнул на ней блузку и тотчас выбросил одежду в зал. Блузку моментально подхватило несколько рук, и она быстро затерялась среди ликующей толпы.

– Ты не догадываешься, кто из этой троицы наш герой? – повернулся Москвин к Стасю, с интересом наблюдавшему за представлением.

– Тот, что бабу раздевает?

– Он самый, – довольно протянул хозяин «Мустанга». – Я не знаю, чем он их берет, но раскрутить способен даже учительницу начальных классов откуда-нибудь из сельской глубинки. Достаточно ему притронуться к любой из них, как у баб просто слетают все тормоза. В этом у него настоящий талант. Ты смотри, что дальше будет.

Парень крутанулся, встав при этом на колено, и нежно, как это может проделать только самый искусный любовник, погладил девушку ниже талии, а потом рывком, вкладывая в движение всю накопившуюся страсть, расстегнул сбоку пуговицы. Юбка под восторг и благодарные хлопки зрителей сползла на колени, обнажив упругую попку неожиданной ассистентки. Ивашов осторожно и со знанием дела ткнулся лицом в ее мягкий живот и, обхватив бедра руками, помог освободиться от одежды, выглядевшей в данный момент просто лишней. Теперь на девушке оставались только синие изящные трусики да скромная золотая цепочка с небольшим распятием.

– Может, она пьяная или обкуренная? – засомневался Стась.

Москвин, разгоряченный представлением не меньше, чем женщины, широко улыбнулся:

– Если и выпила, то бокал шампанского, но этого совсем недостаточно, чтобы раздеться догола перед сотней зрителей. А «дурь» я не держу и гоню всех, кто принесет сюда хотя бы щепотку. Чего понапрасну подставляться, просто у парня к бабам самое настоящее призвание, и он эксплуатирует свой талант вовсю.

Динамично зазвучали басы, придавая развернувшемуся спектаклю еще большую притягательность, и уже в следующую секунду на пол соскользнул последний аргумент в пользу невинности – шелковые трусики, и на суд возбужденной толпы предстала нимфа. Неведомо откуда появилось большое покрывало, девушку укрыли с головы до ног, два крепких парня подхватили ее на руки и, сопротивляющуюся, отчаянно взывающую о помощи, унесли за кулисы.

– Если хочешь, я могу пригласить его к себе в кабинет. Поболтаете у меня без свидетелей, тем более что танец через пару минут закончится. Им осталось еще снять собственные трусы и победно помахать ими в воздухе, но это уже не так впечатляюще, – чуть поморщился Москвин.

– Хорошо, зови. – Одним махом Стась выпил рюмку коньяка, давно налитую, и поднялся из-за стола.

У самого выхода его заставил обернуться мощный взрыв восторга – шатен наконец стянул с себя плавки и принялся призывно размахивать ими над головой, словно боевым стягом. В зале творилось нечто невообразимое – девушки прыгали в экстазе, самые темпераментные уже успели сорвать с себя кофточки и блузки и, подгоняемые азартом, вскакивали на сцену. Если бы Гера Ивашов не скрылся за занавесом, то наверняка толпа поклонниц разодрала бы его на сувениры. Со сцены стриптизер ушел достойно, выгнув спину, так расставаться с публикой может только солист Большого театра.

Вблизи Ивашов производил впечатление наивного парня с сельской окраины, где за околицей начинается дремучий лес: светлые волосы цвета прошлогодней соломы, несколько веснушек, забравшихся на переносицу, и слегка скуластое лицо. Контраст являли его глаза – черные угольки с едва заметной лукавинкой в зрачках. Сразу становилось ясно, что он водится с нечистой силой, а дремучий леший и вовсе ему собрат. Теперь уже не вызывала никакого удивления его гипнотическая сила.

Уверенно, демонстративно не замечая стоявшего рядом телохранителя, Гера протянул руку Стасю. Помедлив секунду, Куликов с улыбкой пожал крепкую, чуть вспотевшую ладонь. Сели одновременно на два стула, стоявших у стены.

– Так о чем пойдет базар, начальник? – простовато заговорил Ивашов, закинув ногу на колено.

Ивашов Гера своим поведением сейчас напоминал солдата-первогодка, получившего увольнение. Приодевшись в гражданскую одежду, он старался показать свою самостоятельность, хотя на лбу аршинными буквами было написано, что большую часть службы он соскабливал бритвенным лезвием загаженные унитазы.

На гонор танцора Куликов лишь снисходительно улыбнулся:

– Ты знаешь, с кем разговариваешь?

– А то! Тебя весь народ знает, ты – Стась Куликов.

– А чем занимаюсь, представляешь?

На лице Геры промелькнуло замешательство, но он тут же сумел с собой справиться, и располагающая улыбка оказалась как нельзя кстати.

– Об этом известно всем... думаю, и милиции. Ты даешь «крышу» бизнесменам, получаешь свою долю даже с крупных заводов. А так... числишься в одной охранной фирме.

– Хм, ты, оказывается, очень неплохо осведомлен обо мне. Тебе не приходилось слышать, чтобы я выступал в роли мецената?

– Что-то не припомню. Народ говорит, просто так ты деньги не даешь, их сначала нужно заработать.

– Все правильно. А что ты скажешь, если я отвалою тебе пятьдесят тысяч баксов? – Стась сделал движение пальцем, и телохранитель положил на стол кейс и впечатляюще щелкнул замками.

В аккуратных пачках, перетянутых тонкими легкомысленными резиночками, лежали доллары. Такого их количества Гере видеть не приходилось. Невольно он сделал судорожное движение, проглотив слюну.

От Куликова не скрылась растерянность танцора, и он понимающе, не отводя глаз от парня, спросил:

– Впечатляет?.. Не стесняйся, можешь говорить как есть, большие деньги и не таким орлам, как ты, голову кружили. Каких-то лет пять назад от меньшей суммы у меня самого глаза на лоб полезли. А ты молодец, стойко держишься, только слюну ненароком проглотил. Славик, оставь «дипломат» и подожди меня в коридоре, – распорядился Стась.

И рука, готовая ухватить со стола кейс, виновато опустилась вниз.

– Все понял, ухожу.

Куликов заговорил не сразу, будто опасался, что через плотно закрытые двери его может подслушивать вражье ухо. Убедившись окончательно, что это не так, произнес голосом человека, знающего собственную силу:

– Верно, просто так денег я не даю. Не занимаюсь благотворительностью; всегда считал, что деньги нужно зарабатывать. Мое условие не такое и сложное – ты должен забыть Ольгу.

– Послушай, Стась, это которую из них? Думаешь, я помню всех своих Ольг? – деланно оживленно откликнулся Ивашов.

– Придется сделать скидку на твою популярность, хорошо, я тебе напомню, – терпеливо продолжал Стась. – Это Ольга Крачковская.

– Ах, эта, – протянул Гера с пониманием. – Знатная бабенка. Ну... она стоит таких денег. Мы с ней были когда-то очень близки и душой, и телом. Какая была любовь!

– Забирай кейс, он твой, – показал рукой в сторону стола Куликов. – Не робей, смелей.

Ивашов поднялся и взял в руки «дипломат», который был совсем не тяжелый; трудно было поверить, что под замком спрятана сумма, равная году безбедной жизни где-нибудь в Париже.

– Думаю, мне не надо благодарить. – Гера улыбнулся. – Насколько я понимаю, это взаимовыгодное дельце. А телка она классная!.. – Но, натолкнувшись на жесткий, очень напоминающий прищур древнего ящера взгляд, замолчал.

– И упаси боже нарушить тебе наше соглашение.

– Что же будет? – легкомысленно поинтересовался Ивашов.

Куликов улыбнулся: парень либо шальной, либо играет в обыкновенного простачка.

– Несостоявшегося резидента не следует учить таким прописным истинам. – Стась коротко напомнил о былом нынешнему танцору. – Скажем так, у тебя могут возникнуть очень большие неприятности.

– Я все понял, думаю, тебе не придется беспокоиться.

– Ну, вот и отлично, – Куликов слегка хлопнул стриптизера по плечу. – Давай спустимся в бар, хочется угостить тебя коньяком. Теперь я, кажется, начинаю понимать, почему от тебя тащатся бабы.

– Куда сейчас? – спросил Игнат, когда шеф плюхнулся в кресло.

– Знаешь, где находится банк «Российские дороги»?

– Обижаешь, начальник, – протянул водитель, – у меня там когда-то деваха работала секретаршей. Едва ли не каждый день ездил ее встречать. Скажу тебе, начальник, мы с ней такие пируэты выкидывали, что четырехметровой кровати нам маловато было.

– Что же ты с ней расстался?

– Однажды пришел к ней и под одеялом мужские трусы нашел. Любвеобильная сучка оказалась, потом я узнал, что ее директор потрахивал.

Куликов расхохотался и неожиданно серьезно спросил:

– А может, ты его хочешь пристрелить, так я могу тебе посодействовать.

Игнат посмотрел на шефа: в лице ни малейшей смешинки, самое страшное заключалось в том, что это могло быть искренним предложением.

– Ничего, как-нибудь переживу утрату.

«Мерседес» развернулся и, уверенно раздвигая кузовом пространство, вписался в плотный поток машин.

Через несколько минут автомобиль припарковался у парадного подъезда. И тотчас из банка вышли двое молодых людей в галстуках – охрана. Главная их обязанность – отгонять нахалов с директорской парковки. Один из них – верзила баскетбольного роста – размашистым шагом направился к «Мерседесу», но, признав в пассажире Куликова, заискивающе спросил:

– Вы к управляющему банком? Я могу вас проводить, Станислав Владиленович.

– Не суетись, братан, как-нибудь сами справимся.

В банк «Российские дороги» Стась наведлся едва ли не впервые, но его совсем не смущало, что с ним здоровались очень многие, будто он был здесь едва ли не самым крупным вкладчиком. Славик, словно кормчий, вел Куликова к заведующему отделом по внешним связям. В приемной сидела девушка лет двадцати, строгие глаза органично сочетались с длинными и стройными ногами. Колени тоже были хороши – чашечки точеные, так и подмывало погладить их ладонью, словно это был изысканный фарфор.

– Вы к Игорю Игоревичу? – едва оторвав свой взгляд от компьютера, строго поинтересовалась секретарша.

Стась улыбнулся – решительный вид девушки свидетельствовал о том, что она готова пожертвовать своим телом, лишь бы уберечь хозяина от неожиданных визитеров.

– Да, милая, сообщи ему, что пришел Станислав Владиленович Куликов, – как можно мягче ответил Славик.

Лицо хозяйки приемной стало озабоченным. Такое же выражение бывает у учительницы, когда она неожиданно слышит бестактный вопрос от повзрослевшего ученика. Вот, кажется, подопрет сейчас руки в бока и язвительно обронит: так я вам и сказала, откуда дети берутся!

– Обождите секундочку! – выпорхнула она из-за стола легкой птичкой и поспешила к двери.

Юбка у девушки была короткой и аппетитно обтягивала округлые бедра. Охотно верилось, что заведующий отделом умеет подбирать себе кадры.

– Как ты думаешь, где он потягивает эту киску: вот на этом мягком диванчике или все-таки предпочитает делать это у себя в кабинете? – произнес с ухмылкой Славик, когда секретарша скрылась за дверью.

Стась кисло улыбнулся, пустая трепотня спутника начинала его раздражать.

– Останешься здесь, вот и поговорите об этом с милашкой. Может, и тебе что-нибудь перепадет.

Дверь открылась. Глаза Стася непроизвольно уткнулись в самый низ юбочки, едва прикрывающей пах.

– Игорь Игоревич вас ждет.

В глазах девушки проснулся заметный интерес, и Стась невольно подумал о том, что даже самых праведных учителей посещают грешные мыслишки. С ней неплохо можно бы провести время, если б не дела.

Девушка отстранилась, но совсем ненамного, и когда он входил, как бы невзначай, скользнул в дверях коленями по ее бедрам, в полной мере насладившись ароматом ее духов.

Игорю Игоревичу не так давно стукнуло двадцать восемь – тот самый возраст, когда впереди ощущаешь бездну времени, когда от желаний, как от крепкого вина, распухает голова. Он рассматривал вошедшего с интересом, с чувством почти нескрываемого превосходства, причину которого понять было несложно, – банк находился под «крышей» смотрящего района Александра Шебалина. В табели о рангах он был несколько выше Куликова, которому принадлежала всего лишь охранная фирма. Но мало кто знал, что Шебалин уже давно ничего не делал, не переговорив предварительно со Стасем.

Игорь Игоревич в знак приветствия слегка качнул головой и скупым жестом правой руки предложил свободный стул. Это было против правил. Он не мог не знать, кто перед ним, и раз уж не встретил почетного гостя у дверей, то, во всяком случае, должен был протянуть руку. Следовало держать удар: Стась сел, закинув на колено ступню. Банкир насторожился. Если бы подошвы своих ботинок ему показал кто-либо из сотрудников, то наверняка на бирже труда одним безработным стало бы больше. Куликова уволить было невозможно.

Осознав собственную оплошность, Игорь Игоревич произнес, добавив в свой голос мягкости:

– Чему обязан вашим визитом?

– Тебе знакома такая девушка – Крачковская Ольга?

– Хм... предположим. Только какое отношение это имеет к вам?

– Ты ее должен забыть, – без предисловий сообщил Куликов.

– Ах, вот как! – Игорь Игоревич откинулся на спинку кресла. – Признаюсь, не ожидал. Я-то рассчитывал, что разговор пойдет о делах. Так сказать, конструктивный.

Куликов едва улыбнулся:

– Приходится заниматься и такими вещами. Я бы предложил тебе за это большие деньги, но знаю, ты в них не нуждаешься, а потому я только прошу.

Игорь Игоревич слегка покачал головой:

– Боюсь, не смогу выполнить вашу просьбу. Нас с ней связывает очень многое, хотя в настоящее время она пока не со мной.

– Ты меня совсем не понял, дружище, – печально протянул Стась Куликов. – Ты должен о ней забыть и не вспоминать никогда.

– Нас с ней связывает кое-что большее, чем хорошие отношения, – качнулся в кресле заместитель начальника банка.

– А если тебя об этом попросит Шебалин? – напрямик спросил Стась.

На секунду в глазах банкира плеснулось нечто, похожее на сомнение, а затем его лицо приняло прежнее выражение.

– Это ничего не изменит.

Наверняка Игорь Игоревич считал себя вполне самостоятельной фигурой и мечтал освободиться из-под опеки смотрящего района. Возможно, этот день он счел подходящим для того, чтобы сделать первый шаг на пути обретения независимости.

– Жаль. – Стась встал. – Кажется, нам не о чем больше говорить.

Сейчас самое время подняться и крепким рукопожатием сгладить возникшее напряжение, но Игорь Игоревич немигающим взглядом вжатым в землю рептилии наблюдал за тем, как Куликов отошел от стола и, не прощаясь, направился к двери.

Славик, опершись руками о стол, что-то оживленно рассказывал секретарше, и она, запрокинув голову назад и выставив свой округлый подбородок, весело хохотала. От прежней училки, какой она представилась всего несколько минут назад, не осталось и следа, теперь это была юная студентка, повстречавшая старшекурсника-весельчака.

– Пойдем, – коротко бросил Стась.

– Надеюсь, мы с тобой еще увидимся, Лидочка, – бархатным голоском проворковал Славик и, дождавшись от нее прощального воздушного поцелуя, устремился за удаляющимся Куликовым. – Стась, представляешь, я договорился с этой соской. Не такая уж она недотрога, как показалось с первого взгляда. Ну, я ей и задвину по самые клубни! – ликовал охранник.

– Послушай, ты можешь заткнуться? – развернулся Стась, сверкнув глазами. – Мне нужен телохранитель, а не собеседник, для этих целей я могу подобрать кого-то и поумнее.

– Напрасно ты меня обижаешь, Стась, что с тобой случилось? За последний час ты меня дважды отчитал как пацана, – глухо проговорил Славик, и середину лба резанула глубокая морщина,

– Ладно, извини, что-то у меня в последнее время нервы ни к черту.

Куликов уже пожалел, что обидел парня, тот был одним из немногих, кому он доверял всецело. А преданность в наше время не такое уж частое явление.

В последние полгода Стась сделался очень подозрительным, а потому из здания сначала вышел Славик. Несмотря на длинный язык и желание заполучить шефа в сотоварищи, дело свое он знал не слабо. Десятое управление, в котором он проработал восемь лет, было отменной школой, и иметь в штате такого специалиста было для Куликова настоящей находкой.

Слава никогда не надевал пальто, всегда просторная легкая куртка, чаще не застегнутая, из которой в долю секунды можно было извлечь «барракуду», красивую игрушку с изогнутой рукояткой для стрельбы обеими руками.

Кроме отменной реакции, Славик обладал еще двумя ценными качествами для телохранителя – памятью и каким-то чудесным даром предвидеть ситуацию, очевидно, присущим только людям его профессии, развитым на грани человеческой интуиции и звериного чутья.

За то время, пока они находились в здании, подъехали две машины: «шестерка» с деформированным крылом и «МАЗ», груженный плитами. Славик мгновенно угадал в водителе «жигуля» старого шофера, занимающегося частным извозом. За рулем самосвала – фигура посерьезнее, но вряд ли под сиденьем у водилы можно было отыскать автоматический пистолет. Качнув головой, он дал знак Куликову выходить.

Путь до машины Стась проходил всегда быстро, нигде не останавливаясь и не разговаривая с сопровождающими. В этот раз все было как и обычно. Куликов стремительно преодолел с десятков метров, отделяющих его от бронированного «Мерседеса», вскочил в кресло и успокоился только тогда, когда Слава захлопнул за ним дверцу.

Он не мог объяснить себе причину собственного беспокойства, но что-то было не так. Чувство опасности было настолько осязаемым, что щекотало ноздри.

– Пока мы здесь сидели, ничего не заметил? – повернулся шеф к Игнату, выруливающему на дорогу.

– Как будто нет.

– Ну, тогда ладно, возможно, мне показалось. – Но, посмотрев в зеркало заднего вида, заметил, как тотчас от здания отъехала машина. Некоторое время она ехала следом, а потом свернула на перекрестке.

В случайности Стась Куликов не верил. Не исключено, что двадцативосьмилетний мальчик, больше смахивающий на состарившегося херувима, бросил ему вызов.

Стась достал мобильный телефон, набрал нужный номер и, когда абонент отозвался кратким «да», сдержанно поинтересовался:

– Это ты, Шебала?

Кличка обидная, подобное обращение смотрящий мог простить только двоим. Первый из них находился далеко за океаном, на собственной вилле, и, как утверждали знающие люди, присматривал за общаком. Этого человека отличала заметная хрипотца, напоминающая старческий фальцет, – поговаривают, глотнул когда-то по молодости самогона, а в нем оказалась кислота. Так что его не спутаешь ни с кем. Второй находился здесь, в Москве, и распознать его было нетрудно, да и вокальные данные у него такие, что сгодились бы солисту Венской оперы.

– А-а, узнаю, – неопределенно пропел Александр Шебалин. – Нечасто ты меня балуешь своими звонками. Что-нибудь серьезное? В чем проблема?

Стась дал знак прижаться к тротуару, а когда «Мерседес» плавно объехал волочившийся грузовик и остановился у края дороги, зажал микрофон ладонью и коротко распорядился:

– Погуляйте где-нибудь поблизости.

Подобные приказы Куликовым отдавались нередко, поэтому на лицах телохранителей отобразилось лишь понимание. Дверь иномарки мягко захлопнулась. С улицы в салон не доносилось ни звука, полное ощущение того, что помещен в вакуум.

– У меня к тебе небольшое дельце, даже и не знаю, стоит ли звонить тебе, отвлекать такого важного человека по таким пустякам. Все-таки ты у нас в городе фигура заметная.

– Ладно, Стась, говори, что хотел.

– Кстати, а что это у тебя за звуки раздаются? Уж не в бане ли ты сейчас?

– Угадал, в сауне, – довольно протянул Саша Шебалин. – У нас тут одна телка скучает, так что присоединяйся, милости прошу. Обещаю, не пожалеешь.

– Охотно верю, только как-нибудь в другой раз. Ты хочешь, чтобы я тебе простил должок в шестьдесят тысяч баксов?

– Та-ак, – в задумчивости протянул Шебала, – насколько я понимаю, ты от меня чего-то потребуешь. Если, например, взорвать здание, то я против. Лучше я наскребу эти деньжищи.

Шебала соответствовал своему погонялу, был шальным и дерзким, и если садился играть в карты, то удержу не знал. За один вечер он мог просадить до ста тысяч долларов. Бывали случаи, когда под карточный долг Шебала закладывал даже собственный особняк.

– Не переживай, я не попрошу у тебя многого. Банк «Российские дороги» под тобой?

– Предположим. Есть какие-то претензии?

– Не совсем. Мне нужен один щеголеватый заместитель. Мальчик очень сурово на меня смотрел, и думаю, если ты не освободишься от него сейчас, то в ближайшем будущем он может принести тебе массу неприятностей.

– Знаю, о ком ты говоришь, – после некоторой паузы проговорил Шебала.

В его голосе ощущались вибрирующие нотки. Обязательство перед Стасем Куликовым давило на него куда серьезнее, чем колодки на шее у преступника. Разумеется, деньги бы он вернул, пускай для этого ему пришлось бы штурмовать Национальный банк или заложить собственную жену, но зачем пренебрегать возможностью рассчитаться меньшими затратами.

– Вот и отлично.

– Парень он в целом надежный, хотя, признаюсь, в последнее время начал зарываться. Ладно, бери его себе, если считаешь нужным.

– Договорились. Когда придешь в катран?

– Позволь мне хотя бы отдышаться. Я только что вернул шестьдесят тысяч баксов, а ты меня опять нагреть хочешь.

– Ладно, сам смотри, а то сегодня на Кутузовском будет неплохая игра. Соберутся очень серьезные люди. До встречи.

И Куликов отключил телефон.

Глава 3

Шевцов не любил казенных стен, а потому свой крохотный кабинет украсил любительскими фотографиями, с которых на всякого входившего смотрело личико белокурой женщины, героини лапландских сказок. Здесь же, рядышком, философская мазня авангардистов, ее присутствие в стенах милиции майор объяснял не иначе как энергетикой, что исходит от ржаво-коричневого полотна.

– Трупов не девять, как мы предполагали в самом начале, а десять, – сдержанно, безо всяких эмоциональных всплесков продолжал Кирилл Олегович. – Десятый труп находился в самом низу, он почти полностью рассыпался, и от него остались только фрагменты челюстей и затылочная часть.

– Невеселенькая история, – согласился Шевцов и посмотрел на цветные разводы и ляпсусы, будто хотел заручиться поддержкой неизвестного художника.

Эксперт положил перед майором тоненькую папочку.

– Здесь результаты нашей работы, – с мягким стуком ладонь легла поверх папки. – Надо сказать, дались они нам очень непросто. Никогда не встречал ничего подобного.

Шевцова всякий раз удивляла манера экспертов вести деловые разговоры – они всегда говорили так, будто речь шла не о покойниках, а о мешке цемента. На лице никаких эмоций, только голый профессионализм. В такой ситуации не хватало лишь стаканчика с чаем в небрежно поднятой руке и довольного причмокивания губами во время прочтения акта патологоанатомической экспертизы.

– Я тоже, – улыбка у Шевцова выглядела почти виноватой.

Балашин иронии не заметил и продолжал:

– Определить тела не представляется возможным. Я допускаю, что можно установить имена погибших по зубам, в какой-то степени они сохранились, но опять-таки, если их лечил один дантист. Как известно, у каждого врача свой стиль работы, свой почерк. Но это маловероятно, что видно даже при беглом осмотре. Есть еще один вариант – попробовать воссоздать облик по обгорелым черепам. Это труднее и потребует уймы времени.

– Сколько?

– Несколько месяцев.

– Боюсь, это нам не подходит. Преступление мы должны раскрыть по горячим следам. Будем работать.

Кирилл Олегович поднялся.

– Ну что ж, желаю успеха. – И уже у самого выхода, пожимая протянутую руку, добавил: – Не завидую я вам, не завидую.

Оставшись один, Шевцов взглянул на еженедельник: красным карандашом на странице жирно было написано, что в половине второго – совещание у полковника Крылова. Впрочем, эту встречу можно было и не записывать, подобные мероприятия врезались в память, как таблица умножения, хотя бы потому, что полковник будет заниматься традиционной накачкой: выставит перед всем личным составом и начнет склонять по матушке.

Майор посмотрел на часы – до совещания оставалось ровно десять минут, этого вполне достаточно, чтобы собрать со стола все документы, запереть их в сейф и закрыть комнату, а потом неторопливым шагом проследовать по длинному коридору в кабинет полковника Крылова. К разговору с начальством Вадим Дмитриевич уже был готов: самое главное – при разное соорудить раскаивающуюся физиономию, а самому в это время держать за спиной кукиш.

На совещание Шевцов явился одним из последних. Вокруг негромко переговаривались в ожидании шефа. В самом углу капитан Скворцов, как обычно, травил какой-то свежий анек-

дот, и майор пожалел, что находится вдали. Глядишь, посмеялся бы, что стало бы весьма неплохой разрядочкой перед предстоящим разбором.

Полковник Геннадий Васильевич Крылов появился ровно в тринадцать тридцать. Вяло махнул рукой в знак приветствия, позволив поднявшимся офицерам опуститься на свои места. Выглядел он неважно, сразу было ясно, что генерал в очередной раз вставил ему очистительную клизму.

– Порадовать мне вас нечем. На меня давит генерал и велит докладывать ему о результатах расследования каждый час, я же, в свою очередь, должен снимать стружку с вас. Но хочу предупредить, что прежде, чем я уйду в отставку, многие из вас тоже получают полное служебное несоответствие. Обещаю. И в первую очередь это касается вас, майор, – посмотрел полковник на Шевцова.

Вадим слегка качнул головой, но тут же почувствовал, как правая ладонь помимо его воли вывернулась в кукиш.

– Понимаю.

– Понимать мало, – грозно продолжал начальник, – нужно ситуацию прочувствовать. Или вылетишь к чертовой матери, или еще одну звезду на погон получишь. Результаты экспертизы получил? – спросил он уже мягче.

– Так точно, но они ничего не дали, за исключением того, что выявлен еще один труп. Он полностью сгорел, остались только челюсти.

– Очень жаль.

В этот раз Крылов казался сильно уставшим. Обычно, возвращаясь от генерала после очередной накачки, он напоминал сгусток энергии, некую огненную плазму, при соприкосновении с которой можно получить изрядный ожог. Позабыв о времени, Крылов мог распекать личный состав, щеголяя матерными изысками.

Сегодня полковник был подавлен, выглядел каким-то помятым; такое впечатление, будто на протяжении дня по нему неоднократно проходились асфальтовым катком.

– Ну и какие у тебя соображения, майор? – почти по-приятельски поинтересовался Крылов.

– Эксперты предлагали свою помощь в восстановлении облика по черепам, но на это может уйти не один месяц. Могут помочь генетики, но это опять очень долго.

– Нас это не устраивает.

– Я так и сказал.

Перемену в полковнике мгновенно отметили и другие. Капитан Уваров что-то горячо шептал сидевшему рядом старлею Зимину, и по его лукавому лицу было заметно, что разговор шел явно не о службе. Случись подобное раньше, Крылов матюгнул бы обоих, но сейчас только махнул рукой.

– Опять о бабах судачите? Не могли бы свой разговор перенести на другое время? – И, повернувшись к майору Шевцову, продолжал тем же отеческим тоном: – И что же ты придумал?

– Надо поднять картотеку по пропавшим без вести за последние полгода, не исключено, что погибшие люди уже объявлены в розыск. На сегодня это пока единственная идея.

– Разумно, – прикрыл веки полковник, под глазами обозначились темные круги. – Все свободны, а мне нужно ехать в мэрию, на этом мои мытарства еще не закончились.

Геннадий Васильевич встал, и тотчас поднялись остальные.

– Все свободны.

* * *

Уже через полтора часа майор Шевцов держал в руках большую пачку фотографий пропавших людей. Их было четыре сотни. Добрую половину он отбраковал сразу: это подростки и малолетние дети. А сгоревшие были взрослыми людьми и, судя по останкам, мужчины. Следовательно, женщин тоже исключаем. Оставалось семьдесят три карточки. Маловероятно, что среди погибших есть немощные старики, чаще всего насильственной смертью умирают люди молодые, даже не достигшие своего расцвета. Десяток снимков стариков, которым было далеко за восемьдесят, майор отложил в сторону: в этой категории пропавших обычно криминалом и не пахнет. Чаще всего бывает так: они выходят из дома, чтобы купить буханку хлеба, а обратной дороги уже не находят, забыв не то что улицу и дом, в котором проживали многие годы, но даже собственную фамилию. А вот остальные шесть десятков трупов, это уже посерьезнее, тут без злодеяния не обошлось. Трудно представить, чтобы исчезло в короткий срок такое огромное количество мужчин: здоровых, работоспособных, отцов семейств. Вадим Шевцов перебирал фотографии: молодой мужчина, тридцать четыре года, инженер. Осталось двое детей. Другому двадцать шесть лет, экспедитор фирмы «Мостранспорт», лицо открытое, только в самых уголках глаз пряталась лукавинка. Третий – почти юноша, двадцать два года, неработающий. Майор сел за компьютер и набрал фамилию парня. Ага... Здесь более-менее ясно. Принадлежал к одной из преступных группировок. Скорее всего лежит где-нибудь в лесополосе под метровым слоем земли. Такого отыскать будет трудновато, если, конечно, не поможет какой-нибудь слепой случай. На следующем снимке запечатлен мужчина лет тридцати. Фамилия несколько странная – Плетень. Ударив несколько раз по клавишам, Вадим из глубины механической памяти извлек на белый экран информацию о пропавшем. Парень тоже из криминальной среды, и как следовало из оперативной сводки, был даже лидером одной группировки, которая занималась угоном машин. Правда, специализировались они по-крупному, угоняли исключительно дорогостоящие иномарки, и «Форды» четырехлетней давности интереса для них не представляли. Здесь же из оперативных источников следовало, что пропал Плетень не случайно – совершил непростительную глупость, покусившись на огненную «Феррари» одного из самых уважаемых людей округа. Скорее всего его судьба также печальна: покоится где-нибудь на задворках кладбища, среди таких же безымянных могил. Пятая фотография – на майора смотрел шатен с вьющимися волосами. Красив. Возможно, даже очень. По такому парню могли запросто сохнуть с десятков девиц одновременно. Стоп... Что же это такое получается, он тоже работал экспедитором в «Мостранспорте». А не слишком ли часто стали пропадать люди в одной компании?

Данные по всем пропавшим, как правило, заносили в компьютер: имя, возраст, где работал, семейное положение.

Вадим Дмитриевич вновь сел за компьютер, уверенно набрал название фирмы, и через несколько секунд на экране высветились имена восьми человек, пропавших без вести. Даже для крупной корпорации такая потеря будет весьма ощутимой, а что говорить о небольшой конторе, штат которой всего несколько десятков человек? Странно, что такой факт прошел мимо внимания милиции. Наивно было бы полагать, что эта ниточка ведет к трупам, обнаруженным в микроавтобусе, но почему бы не попробовать и этот вариант?

Еще несколько раз нажав на клавиши, Шевцов заполучил и адрес подозрительной фирмы. Он довольно хмыкнул: оказывается, это рядом, каких-то пяток кварталов от МУРа. Порция адреналина гремучей смесью пробежала по жилам, заставив заволноваться в предчувствии неожиданной удачи.

Отобрав снимки восьми пропавших, майор сунул их в карман, а остальные фотографии уложил в картонную папку и крепко перевязал тесьмой.

Глава 4

Начальником «Мостранспорта» оказался мужчина лет сорока. Полноватое лицо со слегка отвислыми щеками делало его похожим на хомяка, даже манеры напоминали повадки мелкого грызуна: он без конца выставлял на обозрение крупные передние зубы, изрядно подпорченные кариесом, что-то без конца жевал и шмыгал носом.

– Представления не имею, куда они девались. Мне самому интересно знать это. Они исчезли и все, как будто бы их просто не существовало.

– Расскажите, пожалуйста, с самого начала.

* * *

«Москвич» был неброского вида, правое крыло немного поцарапано и небрежно затерто шпаклевкой. Глядя на покореженный кузов, можно было сказать, что он не однажды проехал вокруг земного шара, проваливаясь колесами в каждую встречающуюся колдобину на его долгом пути. Однако такое впечатление было обманчиво, двигатель у легковушки был сильный, форсированный, и над его механическим дыханием трудилась парочка опытных автослесарей.

В распоряжении Осянина Петра Павловича находился целый парк автомобилей, среди которых три шестисотых «Мерседеса», четыре «Вольво» и «Ландкрузер», но главное преимущество «Москвича» заключалось в том, что тот был стар, и даже у самого неразборчивого угонщика не поднимется рука на подобную развалину. А во-вторых, отечественная машина неприметна, и потому вряд ли кто из обывателей догадается, что в ее чреве на стареньких чехах может сживать едва ли не самая богатая задница Юго-Западного округа.

На окраину Москвы без обычного сопровождения и телохранителей Осянин отправлялся по четвергам к своей любовнице, двадцатипятилетней актрисе одного из московских театров. Женщиной она была возвышенной и предпочитала ужин при свечах, и чтобы соответствовать статусу романтического любовника, он всякий раз являлся с бутылкой французского коньяка и ананасом.

День следовал по накатанному сценарию. Кроме экзотического фрукта, ставшего за два года знакомства таким обыкновенным, Петр Павлович купил две коробки шоколадных конфет, дорогое нижнее белье, упаковал подарки в пакет и положил его рядом с собой на сиденье. Настроение было прекрасным, мысль о предстоящем свидании переполняла его духовно. Для начала Осянин попросит актрису надеть прозрачную комбинацию, после чего уговорит ее исполнить для него стриптиз под колыхание пламени свечей, причем прямо на праздничном столе. Натура она страстная и вряд ли откажется от такого представления.

Последующее действие уместилось в интервал полутора секунд.

Внезапно с второстепенной дороги вырулила девяносто девятая модель «Жигулей», вытесняя несерьезный «Москвич», стараясь вырваться вперед. Осянин крутанул руль вправо, пытаясь уйти от удара, но, заметив надвигающийся на капот бетонный столб, выправил движение и краем бампера зацепил боковину «девятки».

«Жигули» остановились метрах в ста впереди, из машины вышел парень лет двадцати пяти, с хмурым видом осмотрел продавленный бок дверцы, что-то крикнул в сторону притормозившего «Москвича» и, сев за руль, поехал назад.

Осянин остановился и стал ждать. Дверцы «девятки» распахнулись почти одновременно, и из салона вышло четверо крепких мужчин.

– Ты, чертило! У тебя что, глаза на жопе?! Куда ты прешь?!

Петр Павлович продолжал сидеть в машине.

– Послушайте, я был на главной дороге...

– Вытащите этого пидора на белый свет, а то не вижу, с кем разговариваю, – спокойно и вместе с тем очень весомо произнес плечистый человек лет тридцати пяти.

Сразу было заметно, что в компании он за старшего. Три его спутника мгновенно исполнили приказ: ухватив Осянина за шкирку, они выволокли его из салона прямо на осеннюю грязь.

– Что вы себе позволяете? – попытался сопротивляться хозяин «Москвича». – Вы хоть знаете, кто я?

– Послушай, крыса, мне совершенно плевать, кто ты, – продолжал говорить плечистый. Голос у него был низкий с небольшой хрипотцой, но с теми интонациями власти, какие встречаются только у людей, осознающих, что каждое их слово будет услышано. – Мне плевать, сторож ты или генеральный директор, ты разбил мою машину, она стоит денег, которые ты должен мне вернуть.

– Вы были не правы, я ехал...

– Сучонок, он еще думает спорить! – весело заговорил молодой высокий парень величиной с колодезный журавель. – Может быть, его мордой о капот приложить? – очень мило поинтересовался он у плечистого. – У меня такое ощущение, что он чего-то недопонимает.

– Пока это преждевременно, вижу, что парень он понятливый и сейчас сам нам выложит деньги, чтобы в дальнейшем мы не напрягли его своими визитами.

Осянин поднялся, отряхнул с колен налипшую грязь и упавшим голосом произнес, стараясь не смотреть в лицо плечистому:

– Сколько вы хотите?

– А сколько, ты думаешь, будет стоить эта машина? – усмехнулся тот, сцепив в замок пальцы. – Хочу тебе объяснить, что она совершенно новая, посмотри на спидометр.

Петр Павлович невольно вытянул голову, спидометр показывал почти две тысячи километров.

– Да, новая.

– Ну вот, видишь, кажется, мы начинаем понимать друг друга. Я тебе отдаю эту машину, а ты мне купишь новую.

– Откуда у меня такие деньги?!

– Крысенок, у меня нет времени с тобой разговаривать, я слишком занятой человек. Если я сказал, что ты виноват, значит, так оно и есть, лучше бы по сторонам смотрел, чем фуфлом своим торговать.

На людей, стоящих у обочины, почти никто не обращал внимания. Лишь иной раз водители бросали в сторону собравшихся любопытные взгляды, но уже в следующую секунду, увлеченные дорогой, следовали дальше.

– Я не дам ни копейки!

– А вот это напрасно, – укорил плечистый и, будто потеряв интерес к собеседнику, направился к своей машине. – Отберите у него права, – произнес он, взявшись за ручку дверцы. – Гном, дай ему координаты, куда следует доставить деньги. Отдашь деньги, получишь права. – И, подбирая полы кожаного пальто, опустился на заднее сиденье «Жигулей».

Двое стоявших парней жестко ухватили Осянина за локти, а колодезный журавель, сунув руку во внутренний карман его пальто, извлек техпаспорт и водительское удостоверение.

– Подъедешь на Луговую улицу, двадцать пять. Скажешь, по какому делу, тебя проводят. Не советую звать ментов, если ты разумный человек. Где ты живешь, мы теперь знаем, и такой подвиг выйдет тебе боком.

Петр Павлович освободился от объятий и зло бросил удаляющейся троице:

– Ладно, мы еще поговорим.

Гном еще раз взглянул на разодранную боковину «девятки», показал палец Осянину, продолжавшему стоять на обочине, и, согнувшись пополам, устроился на заднем сиденье рядом с плечистым.

Настроение было дрянь. Петр Павлович сел за руль, руки немного подрагивали. Несколько раз он поворачивал ключ зажигания, но мотор лишь сердито урчал и никак не желал заводиться. Наконец привычно и очень мелодично заработали клапана, и, отпустив сцепление, Осянин вырулил на левую полосу. В опасной близости, протестуя прогудев клаксоном, промчался большегрузный «КамАЗ». «Москвич» остановился. Нет, надо успокоиться.

Мимо проносились машины, до стоявшего на обочине автомобиля никому не было дела. Впереди – ярко-голубая полоса неба. Осянин с тоской подумал о том, что всего этого могло бы не быть. Из сумки торчало горлышко коньячной бутылки, Петр Павлович с трудом преодолел искушение швырнуть дорогое французское питье куда-нибудь в кусты.

Просидев в салоне с полчаса, он окончательно успокоился, плавным движением повернул ключ стартера, а когда машина завелась, неторопливо, как того требовали дорожные указатели, поехал.

Вечер не удался. Даже секс, который обычно заводил его, прошел без огонька. Так, похотливо полапали друг друга, как малые дети, и, повернувшись каждый в свою сторону, скоро уснули. Правда, на какое-то время его сумел расшевелить стриптиз, который подруга исполнила под заводную латиноамериканскую мелодию. В порыве чувств Осянин даже сунул ладонь под комбинашку, но это было все, на что он был способен в тот вечер.

На следующий день Петр Павлович прибыл на работу рано, незадолго до того, как пришла на смену утренняя охрана. Всем было известно, что раньше двенадцати он обычно не приходил, зато любил засиживаться до глубокой ночи. Поэтому появление директора в восемь часов утра на рабочем месте служащие фирмы восприняли как знаковое событие. Обычно шеф являлся утром только в том случае, когда хотел совершить какие-то перестановки. Напряженность в отделах усилилось, неприятности могли грянуть в любую минуту.

Через пятнадцать минут Осянин вызвал к себе начальника службы безопасности.

– Проходи, садись, – великодушно показал он на стул, когда тот перешагнул порог кабинета. – Я хорошо тебе платил все это время, Алик?

Начальником безопасности в «Мостранспорте» был тридцатилетний чеченец Алик Биктимиров. В своем деле слыл асом и сумел организовать работу так, что за три года его деятельности не случилось ни одного сколько-нибудь серьезного ЧП. Он собирал сведения обо всех потенциальных конкурентах: в отдельные папки заносились их привычки, тайные пристрастия, особенности характера, в общем, все, что сгодились бы в деле; в его картотеке имелись даже данные на членов их семей.

– Не обижал, хозяин, – широко улыбнулся Алик, показав безукоризненно белые зубы.

– То, чем ты занимался – охрана офиса, моей семьи, все это хорошо, но сегодня, я думаю, пришел черед отработать свой хлеб по-настоящему. На меня наехали, причем по-крупному. Оскорбили, надавали по репе.

– Что случилось, хозяин?

– Еду я на своем стареньком «Москвиче», и тут какой-то козел со второстепенной дороги выехал и прямо на меня. Ну, я и прошелся бампером по его боковине. Так они, падлы, у меня права отобрали, сказали, чтобы я им десять тысяч баксов за машину отвалил.

– Неправильно ребята поступают, – коротко прокомментировал Биктимиров. – И что ты мне велишь делать?

Осянин открыл стол, с минуту ковырялся где-то в самой глубине, потом вытащил оттуда небольшой тугий пакет.

– Здесь вся сумма.

– Ты собираешься отдать им деньги? – Губы Алика скривились в снисходительной улыбке.

– Ни в коем случае, – покачал головой Осянин. – Возьмешь с собой пару человек и заявишься к этому фраеру. Пускай отдаст мои права. Как только вернешься, эти деньги поделите между собой. Ты, кажется, хотел в отпуск на недельку?

– Да, знаешь, усталость поднакопилась, хотелось бы съездить куда-нибудь. Может быть, к себе в горы, говорят, там налаживается потихонечку.

– Вот и отлично, завтра можешь начать отдыхать. Себе возьмешь пять тысяч. Хватит?

– Вполне, – вновь на лице Алика высветилась дежурная улыбка.

Начальник службы безопасности вообще не умел радоваться, самое большее, на что он был способен, так это едва разомкнуть губы. И наверняка, если бы Петр Павлович предложил Биктимирову миллион долларов, то реакция не сделалась бы более эмоционально окрашенной.

– Договорились. Кого ты берешь?

– Рустама, мы с ним земляки, обидится, если в долю не возьму, и Серегу. Так какая улица?

Осянин вырвал из календаря листок бумаги и размашисто написал адрес.

Алик прочитал и, сложив вчетверо, положил листок в карман.

– Все ясно. Так я пошел?

Тревога, заползшая в душу директора противным скользким гадом, не желала отпускать его.

– Постой, – попридержал Алика у самых дверей Осянин. – Я тебе хочу сказать, что с этими ребятами нужно вести себя поосмотрительнее. От них можно ожидать чего угодно.

– Ну, мы тоже далеко не паиньки, – едко усмехнулся Биктимиров и дважды постучал себя по внутреннему карману, откуда у него выпирал американский «глок-17». – Разумеется, мы к ним заявимся не с пустыми руками.

– Он же у тебя газовый.

– Пока газовый, – с улыбкой согласился Алик, – но если возникнут какие-то осложнения, придется вернуться за боевым. Но думаю, до этого дело не дойдет. У Сереги еще пушка имеется, скажу, чтобы захватил.

– Я знаю, что ты человек горячий, но в данном случае с ними надо разговаривать спокойно. Совсем не обязательно размахивать перед носом револьвером, и в то же время следует показать, что за нами стоит сила. Если что, лучше вернуться за подмогой.

– Можешь не сомневаться, все пройдет, как обычно. Это же не первое наше дело.

– Вот именно, но что-то меня тревожит. Предчувствие, что ли? Ну, сам не знаю что. Может, пробить, что за люди находятся на Луговой?

– Это совсем не нужно, – отмахнулся Алик. – Я представляю этот район. Насколько мне известно, особо серьезной публики там нет.

– С чего ты взял? – Петр Павлович несколько расслабился. Алик всегда знал о чем говорил.

– Там живут мои земляки, – неопределенно произнес Биктимиров.

– Понятно... И все равно давай назначим контрольное время. Два часа тебе на разговоры хватит?

– Вполне. Думаю, что приду даже раньше, – и, махнув на прощание рукой, вышел из кабинета.

Директор фирмы посмотрел на часы – было половина десятого. Настроение заметно улучшилось. Алик Биктимиров никогда его не подводил. Кроме своих прямых обязанностей, он выколачивал долги и умел наводить страх на нерадивых. Причем он не ломал о спину провинившегося металлические прутья, не заколачивал их живыми в гроб, а умело с жесткими

интонациями вел разговоры, но в таком ключе, что у его собеседников от страха на затылке поднимались волосы.

Осянин в своем начальнике безопасности был уверен. Парень он тертый и найдет подходящие слова для обидчиков. Петр Павлович извлек из пачки сигарету и в тиши кабинета с удовольствием ее выкурил, пуская серую струйку в свежепобеленный потолок.

Последующие два часа протекали по-рабочему: Осянин успел заключить два контракта на четыре миллиона долларов по перевозке груза из Москвы в Сибирь, подписать гору приказов и распоряжений и выпить три чашки крепкого кофе.

Странно, Алик не давал о себе знать. В подобных делах он бывал чрезмерно щепетилен: даже если задерживался на пару минут, то непременно напоминал о себе телефонным звонком по мобильнику. Но минутная стрелка отсчитала уже четверть часа его незапланированного отсутствия.

Петр Павлович занервничал. Он взял со стола пачку сигарет и обнаружил, что она пуста. Оказывается, за это время он выкурил всю недельную норму. Ничего себе, решил бросить курить!

Скомкав ненужную коробку в кулаке, Осянин в раздражении швырнул ее в корзину, стоящую в самом углу. Не попал. Комок бумаги, стукнувшись о плетеный бок, отлетел в центр комнаты.

Нажав на кнопку селекторной связи, он попросил:

– Люба, позови мне Михаила.

– Сейчас, Петр Павлович, – раздался бодрый ответ беззаботной птахи.

– Кстати, где он сейчас?

– В гараже.

– Ладно, не надо, – после некоторого колебания сказал Осянин, – я передумал... Возможно, чуть попозже.

– Как скажете, Петр Павлович, – все так же охотно отозвалась секретарша. – Может, у вас еще есть какие-то распоряжения?

– Все в порядке, Любочка, – ровным голосом произнес Осянин. – Пока ничего.

Однако в высшей степени странно. Подождем еще полчаса, если за это время они не дадут о себе знать, тогда придется принимать меры.

Стрелки часов неумолимо отсчитывали канувшие в небытие минуты, и когда наконец настенные часы тревожным боем напомнили о том, что время иссякло, директор вновь нажал кнопку селектора:

– Михаил?

– Он самый, Петр Павлович, – раздался звонкий голос на другом конце. – Есть какое-то дело?

– Зайди ко мне. Еще вот что, захвати своих.

– Понял, – очень серьезно отозвался Михаил. – Что-нибудь случилось?

– Придешь, обо всем поговорим, – оборвал Осянин.

Михаил был в одной команде с Аликом Биктимировым и в его отсутствие с успехом руководил службой безопасности. Парень молодой, с гонором, но вполне надежный.

Через несколько минут в дверь робко постучали, и, дождавшись приглашения, в комнату один за другим вошло пять человек.

– Присаживайтесь, – распорядился Петр Павлович. Он старался выглядеть бодро, но выдавали ладони, пальцы без конца отстукивали какой-то непонятный ритм по самому краешку стола. – Ну, чего встал у двери, – обратился он по-дружески к парню, остановившемуся у самого порога, – места еще есть, вон свободный стул.

Обстановка директорского кабинета подавляла: стол, стулья из красного дерева, на стенах полотна европейских мастеров, разумеется, подлинники. Какая-то абстрактная мазня, но

денег стоит немалых. Продумано все до мелочей, и на каждого вошедшего увиденное производило сильное впечатление.

Повертев головой, парень присел.

– Не хочу говорить умных предисловий, скажу конкретно – на меня наехали. – Осянин немного помолчал и добавил со значением: – Здесь такое дело, что милицию нам вызывать ни к чему, сами как-нибудь управимся.

– А что случилось, Петр Павлович? – спросил Михаил.

– Я тут выехал на своем стареньком «Москвиче», есть у меня такая прихоть разезжать на нем раз в неделю.

Все дружно, с самыми серьезными лицами, понимающе закивали головами. Убедившись, что охрана выдержала тест на надежность, он продолжил:

– Вот еду, и вдруг какой-то баран выскочил сбоку и прямо под мой «Москвич». Я попытался увернуться, но не получилось... Поцарапал их девяносто девятую модель. Из машины вылезли три хмыря, отобрали у меня права и сказали, что, пока не принесу им деньги за новенькое авто, права не получу. Я могу, конечно, уладить с документами через управление. Но думаю, этим дело не кончится. Не дождавшись меня, они сочтут мои действия за слабость и явятся в мою контору, чтобы получить свою долю. А это, сами понимаете, будет несправедливо. Поэтому отпор им нужно давать сразу и очень серьезный. Может, кто-то думает по-другому? Я готов выслушать.

– Все верно, Петр Павлович, мы тоже так считаем, – за всех ответил Михаил. – Так мы сейчас туда едем?

– Не гони лошадей, выслушай до конца, – как можно спокойнее проговорил Осянин. – Я уже отправил к ним Алика с двумя ребятами, – и пальцы вновь предательски забарабанили по столу. – Мы условились, что они вернуться через два часа, но их нет уже более трех часов, и я опасаюсь, что их просто задержали.

– Понятно, – озабоченно сказал Михаил. – Алика нужно выручать. Если он не вернулся в срок, значит, дело действительно очень серьезное. Можно вопрос? Откровенный?

– Разумеется, мы ведь с вами одна команда, – натянуто улыбнулся Осянин.

– У них были с собой пушки?

После некоторого колебания Осянин сознался:

– Да, захватили кое-что. Газовый у Алика, у Сереги, кажется, «вальтер» был.

– Значит, мужички там подобрались и вправду очень крутые.

– Вот что я вам скажу: теперь мне права как будто уже и не нужны, не до них. Узнайте, что с Аликом и его ребятами. Надо выручать их, за это каждый из вас получит по две тысячи баксов. Только не надо меня благодарить! – выставил он вперед руки. – Пустыми туда тоже не стоит заявляться, возьмете каждый по стволу. Вещь не обременительная и в данном случае может очень даже пригодиться.

– Мы все поняли, Петр Павлович, все-таки не дети, как-нибудь разберемся, – за всех ответил Михаил.

– И прошу вас, поменьше глупостей. Прежде чем что-либо предпринять, вы должны все хорошо продумать, – продолжал наставлять своих подчиненных Осянин. – Вот адрес, – положил он на стол листок бумаги. – Сколько сейчас? Час? Я жду вас в три, ну максимум в четыре. А теперь идите. Время не ждет. Долгих прощаний не будет, все-таки не на войну идете, – у самого выхода сказал директор и, стукнув по приятельски в спину Михаила, прикрыл дверь.

Игорь Игоревич посмотрел на часы. Без пятнадцати восемь, пора собираться. В ровную аккуратную стопочку сложил разбросанные по столу бумаги. После чего набрал цифровой код на крышке сейфа и вытащил оттуда пачку стодолларовых купюр. Небрежно запихнул их во внутренний карман пиджака.

Почти каждый вечер он выезжал в казино «Феникс». Элитное заведение, где собирались исключительно банкиры и состоятельные чиновники. В этот круг Игорь Игоревич был допущен всего лишь полгода назад и очень гордился таким завоеванием. Другим на подобный скачок требуются годы, значит, начальство сумело оценить его старания. Но вряд ли кто из них подозревал, что планы молодого банкира куда более честолюбивые, чем это может показаться с первого взгляда. При встрече с ним каждого вводит в смущение его простоватый, почти крестьянский вид, но давно известно, что под кисловатой кожей прячется сладкая мякоть.

В его сейфе, кроме обыкновенных служебных бумаг, представляющих интерес только для узкого круга специалистов, покоилась еще папочка средней толщины, где он собирал скверный материал на своих начальников. Не следует полагать, будто совместная деятельность связала их на вечные времена, и Игорь Игоревич не исключал, что когда-нибудь придется продать эту папочку с пользой для дела. Кроме обычных темных финансовых пятен, которые можно отыскать едва ли не в каждом втором банке – аферы с кредитами, покупка валюты по сниженному курсу, перекачивание денег через офшорные зоны и всевозможные операции, позволившие банку войти в десятку лучших, – его руководители имели низкие страстишки, о которых не принято распространяться в приличном обществе. Например, директор банка, слащавый мужчина средних лет, любил баловаться с малолетними девочками, которых ему доставляла усердная охрана. А его заместитель раз в месяц совершал вояж в Гамбург, где не вылезал из баров, переполненных гомосексуалистами. Игорь Игоревич сумел даже получить пару пикантных снимков, где любвеобильный заместитель беседовал накоротке с высоким стриженным блондином.

Он не без иронии думал о том, что у всякого человека, взобравшегося на финансовый или политический Олимп, непременно обнаруживается какая-нибудь слабость. Интересно, а у него самого, лет эдак через пять, не проявится ли тоже какая-нибудь дурная склонность?

Игорь Игоревич выглянул в окно: служебная «БМВ» терпеливо дождалась его у самого входа. Рядом стоял шофер, одновременно выполняющий и роль телохранителя. Можно было бы съездить к приятелям и потрепаться ни о чем (не все же время разговаривать о деньгах) или заявиться к маленькой куколке семнадцати лет, с которой познакомился неделю назад, но правила требовали, чтобы он явился в казино и за игровым столом, вместе с такими же, как и он, финансовыми магнатами, промотал пару тысяч долларов. Причем с деньгами следует расставаться без сожаления, всем своим видом демонстрируя пренебрежение к заокеанским президентам, запечатленным на зеленых бумажках. Последнее у Игоря Игоревича получалось блестяще, создавалось впечатление, будто он проигрывает не тысячи «зеленых», а отдает швейцару рубль за пришитую пуговицу.

А что, если начихать на все эти условности и заявиться к Ольге! Эта мысль неожиданно развеселила его. Помнится, им когда-то вместе было очень хорошо – Ольга умела отдаваться с выдумкой, и такого разнообразия, какое он узнал с ней, не встретишь даже в знаменитой «Кама сутре». Приятно было осознавать, что у нее он был первой любовью.

Игорь Игоревич закрыл дверь кабинета и размеренным шагом направился к выходу. День закончен достойно, и можно было позволить себе такую роскошь, как неторопливость. Длинная ковровая дорожка приглушала его несколько тяжеловатую поступь.

Руководителю отдела по внешним связям нравилось в банке все: дорогой интерьер, шикарная обстановка и даже дубовый паркет, не смеющий скрипеть под тучными телами клиентов. Ощущение принадлежности к этим стенам не только накладывало отпечаток на характер, делая его жестче и бескомпромисснее, но и придавало дополнительные силы. Разве каких-то два года назад он мог бы запросто и чуть ли не пренебрежительно разговаривать с хозяином района? А чтобы отказать!.. А нынче, пожалуйста, и если бы захотел, тот еще и просидел бы в приемной четверть часа, как обыкновенный проситель.

Ах, приворожила девчонка Кулика – улыбнулся своим мыслям Игорь Игоревич. Банкир вдруг осознал: он вырос уже настолько, что может отмахнуться от просьбы такого авторитета, каким в районе являлся Стась Куликов. И вновь его посетила шальная думка, что неплохо бы навестить сейчас свою Оленьку, потеревить ее сытое тело, а когда явится Кулик, по-простому так заявить, чтобы тот не показывался в ее квартире. Расставаться с роскошным телом Ольги было по-настоящему жаль.

Банкир почти преодолел последние ступеньки парадного входа. Шофер предусмотрительно распахнул переднюю дверцу и ждал приближения шефа.

Неожиданно Игорь Игоревич дернулся, будто кто-то невидимый с размаху ударил его кулаком в грудь. Портфель отлетел далеко в сторону, грохнувшись пластмассой об угол тротуара. Неловкий рывок вправо, и уже в следующую секунду тело его опрокинулось назад, стукнувшись затылком о парадные ступени.

Глава 5

– Значит, они ушли и больше не возвращались?

– Нет.

– И вы даже не поинтересовались их дальнейшей судьбой? – продолжал спрашивать майор Шевцов. – Все-таки это ваши работники. Хочу сказать откровенно, что мне непонятно ваше поведение.

Толстяк побагровел.

– А что мне еще оставалось делать?

– Ну, могли бы заявить в милицию, почему, кстати, вы не сделали этого сразу?

– А вам не приходила такая мысль, что я просто испугался! Представьте себе, испугался самым настоящим образом не только за собственную жизнь, но и за жизнь своих детей! Вы хотите сказать, что я не думал об этом? Восемь человек ушли – и с концами. Да, мне было страшно! Я каждый день трясся, что могут прийти и за мной. Сначала я рассчитывал, что мои люди вернутся на следующий день, потом ждал их еще день, а когда прошла неделя, понял, что им уже никогда не вернуться. Я даже думал, что эта авария была подстроена специально, чтобы держать меня на коротком поводке и тянуть из моей компании все соки.

– Вы помните адрес, куда отправили своих людей?

Лицо Осянина болезненно сморщилось:

– Не припоминаю... Поймите меня правильно, все-таки это было очень давно.

– Какого черта! – Губы майора Шевцова брезгливо сжались. – Вы хотите сказать, что забыли улицу, откуда не вернулся ни один из ваших сотрудников? Да после такого случая этот зловещий адрес должен был видеться вам в каждом кошмарном сне!

– Вы напрасно меня обижаете, я его продублировал и долго хранил у себя. Я даже хотел позвонить к вам в милицию, но меня все время что-то удерживало... Поймите, название улицы очень простое: не то Полевая, не то Луговская, – морщил лоб Осянин.

– Может быть, Луговая? – подсказал майор.

– Точно, Луговая! – подпрыгнул на месте Петр Павлович. – Ну конечно же, Луговая. Правда, я не помню номер дома, но вы наверняка узнаете, все-таки вы милиция.

– Можете не сомневаться, непременно узнаем. Ответьте мне еще на один вопрос. К вам ведь обращались жены, матери ваших пропавших работников. Что же вы им отвечали?

– А что я им, собственно, должен ответить? – Осянин понемногу начал приходить в себя, и к нему вернулся облик хомяка, у которого за щеками упрятан запас пшеницы. – Сказал правду, что не знаю! То же самое и вам могу повторить: я не имею понятия, куда они подевались!..

Шевцов поднялся:

– Наша встреча с вами еще не последняя, думаю, нам будет о чем поговорить.

– Вы меня пугаете?! – вскочил с места Петр Павлович.

– Вы преувеличиваете, – мягко возразил Шевцов. – Если бы я хотел напугать, то закрыл бы вас на сутки в камеру предварительного заключения к уголовникам, да еще пустил бы слух, что вы любитель малолетних девочек, а так просто беседую. До встречи, уважаемый господин Осянин.

На улице майора ждала служебная машина. Сержант, как и всякий водила, не терпящий пустоты во времени, наслаждался «Криминальной хроникой». При появлении начальства мгновенно и как-то виновато сложил газету вчетверо и бросил на сиденье, после чего повернул ключ стартера.

– Куда теперь?

– На Петровку.

– С ветерком или как?

– Давай поспокойнее, без всяких этих прибабасов с мигалками, – несколько раздраженно отозвался Шевцов.

– Сделаем, – согласился сержант и уверенно въехал в уличный поток, заставляя соседние машины подвинуться.

Заметив милицейскую раскраску, проезжающие автомобили дисциплинированно сбавляли обороты и вяло тащились за «Эсперо», скрупулезно соблюдающей ограничение скорости.

– О вчерашнем убийстве ничего не слышали, Вадим Дмитриевич? – бодро спросил сержант.

– То же, что и все, – усмехнулся майор, – прочитал в «Криминальной хронике».

– И что вы об этом думаете? Такое впечатление, что профессионал работал.

Разговаривать не хотелось. Через пятнадцать минут он должен быть в кабинете у полковника Крылова, а такое общение требует мобилизации едва ли не всех жизненных ресурсов. Сержант любил поговорить (не самое ценное качество для шофера), и начальнику, знавшему слабость своего водителя, ничего более не оставалось, как снисходительно кривить губы. За три года в должности обыкновенного шофера Алексей успел изрядно поднатореть в криминальной терминологии, и высокие чины, слушавшие иногда его рассуждения, всерьез полагали, что тот прошел солидную милицейскую школу. И всякий раз откровением для многих являлся тот факт, что сержант едва вытянул сельскую восьмилетку.

– Думаю, так оно и было, – устало согласился майор.

– Ведь нет ни одной зацепки. Стреляли с чердака соседнего здания, там нашли только старый матрас и единственную гильзу. Палил профессионал, даже не стал тратить на контрольный выстрел в голову. Я потом был в том доме, ради любопытства, конечно. С того чердака четыре выхода: два в соседние дворы и два по крышам на улицу. Но есть и пятый – по лестнице. Мне думается, стрелок воспользовался именно последним. Сделал дело и, нацепив очки, спокойненько спустился вниз с чемоданчиком в руке.

Вадим с интересом посмотрел на водилу. Парень говорил дело. За профессиональной стрельбой должны следовать такие же продуманные действия. Глупо было думать, что снайпер, привлекая к себе дополнительное внимание, спускался бы по канату на крышу соседнего дома. Наверняка все произошло очень прозаично, и на человека, мирно вышедшего из подъезда, возможно, даже никто не обратил внимания.

– Не исключено, что ты прав. Быть тебе оперативным работником, Алексей.

Сержант расплылся в улыбке.

– А я знаю, товарищ майор. Думаю в милицейскую школу поступать.

– Хорошо, как выучишься, я возьму тебя к себе, – вполне серьезно пообещал Вадим.

«Эсперо» уверенно прижалась к тротуару. На служебной стоянке уже находилось несколько машин. Майор увидел среди них «Волгу» полковника Крылова, почувствовал, как кровь ускорила свое движение, и, стараясь унять подступившее волнение, бодрой походкой направился к зданию.

– И чем ты меня порадуешь? – вместо приветствия произнес полковник. – Мне приходится докладывать по этому делу каждый час. Знаешь что, майор, мне уже надоело подставлять вместо тебя задницу! Если у тебя опять нет вразумительного ответа, считай, что твоя карьера бесславно закончилась.

Полковник не умел кричать. Даже когда он распекал, губы его расплзались в такую доброжелательную улыбку, будто он намеревался угостить леденцами за примерное поведение. Сейчас был тот самый случай, и подобный монолог полковника, как знал по личному опыту Шевцов, грозил немалыми неприятностями.

– Ситуация немного прояснилась, товарищ полковник. Мы установили имена пропавших людей...

Вадим, не вдаваясь в детали, поведал о результатах визита.

– Так. – В лице Крылова что-то неуловимо поменялось, а потом он располагающим голосом произнес: – Ну что ты топчешься, как баба на сносях. Проходи, выбирай себе стул. Садись, вижу, что поработал. Да и ты меня пойми, майор, давят. Если что не так будет, не только моя голова полетит, – теперь он напоминал доброго соседа по лестничной площадке, всегда готового угостить сигаретой. – И потом, у нас ведь нет точной уверенности, что это именно сгоревшие люди.

Быстрая перемена в настроении была отличительной чертой полковника. В свое время он имел репутацию хваткого опера, и нехитрый приемчик, отработанный на допросах, он в дальнейшем перенес и на отношение к сослуживцам. В конце душевного излияния Крылов мог запросто громыхнуть кулаком по столу, что действовало на многих куда более эффективно, чем грубая ругань. Неожиданно мог сменить гнев на милость, сказав после очередного разноса проштрафившемуся сотруднику, что если кто и разбирается в оперативной работе, так только он. Разумеется, получив подобный нагоняй, оперативник работал с утроенной энергией.

Нечто похожее происходило и в этот раз. Стоически выдержав разнос, Шевцов готов был поклясться, что далее последует ледяной шепоток скуповатой похвалы.

И не ошибся.

– Если я и могу на кого-то понадеяться, так только на тебя. Половину моих работничков гнать нужно! – возмущенно проговорил полковник. – Ни на что не годны, разве только в носу ковырять. А ты молодец, соображаешь, что к чему. И какие твои дальнейшие действия?

Майор Шевцов улыбнулся. Слова полковника Крылова действовали эффективнее любого расслабляющего массажа.

– Скажу честно, не нравится мне директор фирмы, какой-то он скользкий. Глазки бегают, то краснеет, то бледнеет. Пока я с ним разговаривал, он весь потом покрылся. И еще руки мне его не нравятся, он ими все время край скатерочки тербил. Что тоже очень дурной признак.

– Согласен, – пальцы выбили нервную негромкую дробь. – Так ты что его, подозреваешь?

– Пока сказать трудно, товарищ полковник, куда нас приведет исчезновение его работников, но наблюдение за ним нужно вести. Пускай походят за ним несколько дней, посмотрят, может быть, высветятся какие-нибудь подозрительные связи.

Стук прекратился – полковник принял решение.

– Хорошо, майор, поступай, как считаешь нужным. Но смотри у меня! – помахал он пальцем. – Если что, три шкуры сдеру!

В лицо Шевцова как будто вновь ударил банный пар. Он едва нашел в себе силы улыбнуться.

– Еще вот что, обнаружился хозяин «Ниссана», эту машину у него угнали с полгода назад. Побеседуешь с ним, он тебе расскажет массу интересного.

– Есть! Разрешите идти!

– Ступай.

Глава 6

У входа в автопарк Шевцова остановил строгий охранник лет шестидесяти. Пятнистая защитная форма добавляла ему солидности, он очень напоминал старого вояку, прошагавшего половину земного шара и погасившего не менее трех десятков военных конфликтов. Эдакий современный центурион, списанный в тираж. Насупив косматые рыжеватые брови с легкой седой подпалиной, сурово поинтересовался:

– Куда идешь? Или не видишь, что здесь сторож имеется?

Такие дядьки встречаются в любом учреждении, а если им однажды доверяют ружье, то они спешат объявить войну всему миру.

Вадим улыбнулся и развернул перед глазами мужчины удостоверение. Дядька долго читал, шурился, будто рассматривал фотографию через оптический прицел, а потом неожиданно смилостивился:

– Майор, значит... Милиция. В молодости я и сам в органах служил. Шофером.

– Коллеги, получается, – очень серьезно отозвался Шевцов. – Отец, ты мне не подскажешь, где найти Захара Сомова?

– А чего его искать-то? – искренне удивился сторож. – Вон он лопатой у ворот снег скребет.

Шевцов обернулся: в самом центре двора, вооружившись совковым инструментом, сгребал с дороги осколки льда высокий парень, заросший пятидневной щетиной. Свою работу он выполнял привычно и размеренно, как это делают люди, уставшие от ежедневного скучного труда. Дворник лишь иной раз поднимал голову, когда кто-то обращался к нему по имени, и, сдержанно кивнув на приветствие, продолжал освобождать черный асфальт от припаянного льда.

– Не вы ли будете Захар Сомов? – подошел Шевцов ближе.

Размахнувшись, Сомов сбросил очередную порцию снежной глыбы, снял рукавицу и старательно высморкался.

– А в чем, собственно, дело? – безразлично спросил он, вытерев испачканные пальцы о бушлат.

– Я из милиции, – опять достал Вадим «корочку». – Майор Шевцов.

– А-а, похоже, – равнодушно произнес дворник.

– Отчего так?

– Ну не знаю, – неопределенно пожал плечами Захар, доставая из кармана сигареты. – Походка, что ли. Уверенность какая-то. А еще взгляд, такое впечатление, будто на пятнадцать суток хотите запрятать.

– А что, приходилось сживать? – усмехнулся Вадим.

– Врать не буду, случалось. Так в чем дело? Ну, я Сомов Захар.

Он щелкнул зажигалкой и сладко затынулся, как будто сполна хотел воспользоваться предоставленным отдыхом. Держался Захар естественно, и предстоящий разговор с опером его не пугал.

– Я по поводу угнанного «Ниссана». Вы ее водитель, так?

– А-а, – тускло протянул Сомов, – зачесались наконец. И что же вас конкретно интересует?

Из гаража медленно выехал «КамАЗ» с лафетом и, едва не зацепив стоявшего на дороге дворника, притормозил.

– Захар, чего же ты остановился? Давай наяривай! – показалась из кабины довольная сытая физиономия шофера.

– Да пошел ты! – с тихой злобой бросил Сомов.

Водитель уже не слышал. Просигналив на прощание клаксоном чуть ли не в сотню децибел мощностью, он аккуратно повел большегруз к выходу.

– Бывший мой сменщик, – без всяких эмоций пояснил Захар. – Так что именно?

– Меня интересует все: как получилось, что ваш «Ниссан» украли?

– Из-за этого автобуса и пошла у меня сплошная непруха, – бесцветно пожаловался Сомов майору. – Как только ее угнали, меня сняли с машины совсем. Работал в гараже механиком. Ну а какая здесь работа? Все через пузырь. Естественно, каждый день домой пьяный приходил. Жена взвыла, через месяц ушла. А когда мне дали машину, так я от радости принял самую малость и снес ограждение на Кутузовском проспекте. Разборка была серьезная, вот и лишили прав на три года. Козлы!

– Так как все-таки с этим «Ниссаном»-то? – сдержанно выразил сочувствие майор.

Сомова было жаль по-настоящему. Мается парень изрядно.

– А все вышло очень просто. Возвращаюсь я как-то с вечерней смены в гараж. Настроение отличное, в этот день я развозил по гостиницам какую-то делегацию. Заплатили мне прилично, что греха таить, а эти, кого я развозил, еще две бутылки французского коньяка дали. Признаюсь, я такого раньше никогда и не пробовал. Ну, думаю, приеду домой, приму на грудь пару рюмок, расслаблюсь. Имею полное право после трудового дня, как говорится. Потом завалю женушку на спину, благо кровать позволяет, широкая, словно взлетное поле. Думаю я о всяком таком приятном, и тут на дорогу человек выходит. Машет рукой, дескать, останови, друг. Ну как тут не помочь, тем более настроение у меня великолепное, думаю, подвезу, поделюсь своей радостью. Я дверь открыл, в салон его впустил, а он пушку на меня наставил и говорит: выметайся! Я ему стал объяснять, ты чего, братан, в натуре, а он меня хряк рукояткой по голове, тут я и вырубился. Очухался, когда почувствовал, что меня куда-то волокут, приоткрыл глаза и вижу, что двое хмырей меня за руки тащат. Всю рожу мне кровью залило, наблюдаю за ними сквозь красную пелену. Оттащили меня на обочину да бросили, как мешок с картошкой. Наверняка они думали, что я покойник, а то бы точно получил контрольный выстрел в голову.

– Думаешь, так и было бы?

Сомов недоуменно посмотрел на майора:

– А чего тут сомневаться? Достаточно взглянуть на эти рожи, чтобы поверить в это. Вот лежу я и со страхом молю бога, чтобы те не вернулись. Потом слышу, двигатель завелся, глаза открыл, а «Ниссан» уже отъезжает. Полежал я с минутку да и пошел своей дорогой. Естественно, меня такого никто подвозить не желал, как до дома добрался, уже и не помню. На автопилоте шел. На следующий день заявление в милицию написал. Ваши пару раз появились, а потом я их больше не видел. А что сейчас-то объявились?

– Нашли ваш микроавтобус.

– Вот как? Интересно, и где же он был? – В голосе Сомова прозвучало всего лишь простое любопытство.

– На Кобыльей пяди, а в машине десять трупов.

– Ничего себе! – пнул Захар осколок льда. – Хотя нечто подобное я ожидал услышать.

– А вы случайно не запомнили лица нападавших?

– Да какие там лица! – отмахнулся Сомов. – Башка вот такая была! Кровь из раны хлещет, как из бегемота... Нет, не помню, встретился бы с ними нос к носу, и то не узнал бы.

– Но сколько их было-то, помните?

– Вот это я могу сказать. Двое из них мной занимались... Так. Один был в автобусе, заводил машину. Это я отчетливо помню. Ну, а четвертый стоял немного в стороне и покуривал. Он говорил негромко, но чувствовалось, что был в их команде главным.

– Что же он говорил, не помните?

– Так... какую-то ерунду, – пожал плечами Захар. – Говорил про какой-то спортзал... про долги, деньги... про какую-то разбитую машину. В общем, я ничего не понял.

Вадим сунул руку в карман, достал визитку и протянул ее Сомову.

– Вот мой служебный телефон, если что-нибудь еще вспомните, не сочтите за труд, позвоните.

Захар уныло вытянул картонку из пальцев майора и без энтузиазма заверил:

– Позвоню. Но только я уже как будто все рассказал. Товарищ майор, а у вас нет хороших знакомых в дорожной инспекции? Может, помогли бы мне права выручить, а то по баранке уже соскучился. Да и двор надоело лопатой скрести.

– Если что-нибудь нужное вспомнишь, посодействую, – всерьез пообещал Шевцов. – Ну пока, как говорится, бог в помощь.

Уже у самых ворот он услышал, как очередной шофер, проезжая мимо, едко посоветовал:

– Что-то ты плохо работаешь, Матвейч, как бы тебе заново убирать не пришлось.

– Да пошел ты!.. – огрызнулся Захар, и вновь скрежет лопаты органично вписался в деловое урчание моторов.

Глава 7

– А ты правда меня любишь? – спросила Ольга, и ее прохладные длинные пальцы опустились на широкую горячую ладонь Стася.

– Разве я тебе хоть раз дал повод усомниться в этом? – улыбнулся Стась.

– Нет, но всегда приятно услышать это. Так хочется быть кому-то необходимой и чувствовать это каждую минуту.

Стась сжал ладонь девушки в своей руке и ощутил, как холод с подушечек ее пальцев пронизывающим током забрался и в его тело. Замечательное чувство. Жар внутри его погас.

– Как тебе доказать это? Может, кого-нибудь убить, так ты скажи, – ровным, ничего не выражающим голосом произнес Стась, только краешки губ слегка разошлись в едва заметной улыбке.

По тому, как прозвучала эта фраза, – почти безразлично, немного устало, – Ольга поняла, что Стась не шутит. Она уже давно обратила внимание, что он не умеет шутить и к каждому слову относится с серьезностью, как это свойственно только детям. Неделю назад она обронила, что видела у своей знакомой кольцо с изумрудом и позавидовала ей, так как сама всю жизнь мечтала именно о таком украшении: зеленый искрящийся камень очень подошел бы к ее кошачьим глазам. Сказано было просто так, безо всякого тайного умысла, обыкновенная девичья болтовня, чтобы восполнить затянувшуюся паузу. В тот вечер Стась показался ей чересчур серьезным, она даже не была уверена, слышал ли он ее – уж слишком был поглощен собственными мыслями. Но когда при следующем свидании он вложил в ее ладонь бархатную коробочку и приоткрыл крышку, Ольга невольно ахнула: на мягкой черной подушечке лежала воплощенная мечта.

В баре был полумрак. Спокойный, чуть зеленоватый свет падал на круглые столики, оттенял лица посетителей, неторопливо cedивших коктейли через длинные тонкие соломинки. При таком освещении Стась казался значительно старше своих лет. Всматриваясь в его лицо, Оля вдруг отчетливо осознала: если бы их разделяло даже десять ее настырных поклонников, то нынешний кавалер не посчитал бы подобное обстоятельство какой-то непреодолимой помехой, чтобы заполучить ее целиком. Взглянув покровительственно на своих соперников, он спокойно, как совсем недавно вручил ей кольцо стоимостью в пятьдесят тысяч долларов, объявил бы:

– Детка, теперь нас ничто не удерживает от любви друг к другу.

На мгновение ей стало страшно, и она попыталась вытянуть руку из ладони Куликова, но почувствовала, как его пальцы мгновенно сжались. Ольга ощутила себя крохотной зверюшкой, угодившей в капкан.

– Пусти, – едва выдохнула она.

– И не надейся, теперь ты от меня никуда не уйдешь!

– И что же ты будешь со мной делать? – вышла из оцепенения девушка.

– Сначала напою тебя французским шампанским. Я знаю такой сорт, от которого у женщин усиливается сексуальное влечение.

Ольга рассмеялась:

– А у мужчин повышается потенция?

– Как ты угадала?

– Я вообще очень сообразительная. Только тебе на потенцию жаловаться грех. И мне на сексуальное желание. Ты один из тех мужчин, которые могут завести женщину даже словами.

– Спасибо, раньше мне никто такого не говорил. Это самый сильный комплимент, который когда-либо мне приходилось слышать от женщин.

Подошел официант. Своим нарядом – черный фрак и белоснежная рубашка – он был похож на пингвина. Даже в манерах ощущалось что-то птичье.

– Вы что-нибудь будете еще, Станислав Владиленович?

– Давай еще бутылку шампанского. Вот этого самого... Ну как его... Да ты знаешь!

– Я вас понял. «Мондоро».

– Да-да.

– Так, еще что желаете?

– А еще, пожалуйста, принеси соленые огурцы и несколько бутербродиков с черной икрой.

– Шампанское с солеными огурцами? – расхохоталась Ольга. Ее белые и ровные зубы могли бы сделать честь любому ролику, рекламирующему зубную пасту.

Стась уже давно усвоил истину: чтобы вызвать интерес у женщины, вовсе не обязательно слыть большим оригиналом, достаточно пригласить ее на ужин со свечами и между прочим заявить, что шампанское пьют с соленьями, а подавать шоколад и конфеты к нему на Западе считают дурным вкусом.

– Только так, и ты убедишься, детка, как это приятно.

Официант, черкнув в блокноте заказ, ушел.

– Стась, а ты бандит? – неожиданно спросила Ольга.

Ладонь Куликова на мгновение ослабла, и она вызволила свои пальцы из жаркого плена.

– С чего ты решила?

Голос его по-прежнему оставался спокоен, в нем даже появились какие-то убаюкивающие интонации, но вот взгляд переменялся, и на миг в глазах вспыхнули белые искры. Так бывает, когда замыкают линии высоковольтной передачи. Но уже в следующую секунду лицо Стася приняло прежнее располагающее выражение.

– Ну, куда мы ни приходим, тебя всюду так хорошо принимают.

– Просто эти люди меня уважают, отсюда такой сердечный прием.

– Но ты нигде не платил денег, – робко произнесла Ольга.

Стась вдруг расхохотался. За соседним столиком трое парней удивленно посмотрели на них, но, поймав взгляд Куликова, рассеянно закивали головами в знак приветствия. Нечто подобное можно наблюдать в стае волков, когда вожак, рассерженный нахальством молодого выводка, лишь слегка показывает поцарапанные в многочисленных драках клыки. И волчата, поджав хвосты, стыдливо отскакивают в сторону.

Наконец Стась перестал заливаться.

– Ну, ты развеселила меня, девочка. Меня аж слеза от смеха прошибла. Значит, ты думаешь, если человек не расплывается, так он непременно бандит? А что ты скажешь, если я тебе заявлю, что эти люди мне должны?

– Ну, разве что так, – пожала плечом Оля.

Стась вновь мягко захватил ее руку. Нежное прикосновение было приятно. Она уже давно обратила внимание на его бережное обращение с ней. Даже кружевное белье он стягивал с таким изяществом, будто не раздевал ее, а, наоборот, обряжал в самые изысканные одежды. От его поцелуя всегда было так же хорошо, как от глотка холодной воды в сильную жару.

Подошел официант, на подносе в небольшом ведерке, заполненном колотым льдом, он принес бутылку «Мондоро».

– Пожалуйста, Станислав Владиленович.

– На вот, возьми за работу, – небрежно бросил Стась на поднос пять ста долларовых купюр. На лице официанта отобразился самый настоящий испуг. Он в растерянности завертел головой, пытаясь найти в посетителях бара поддержку, и заговорил сдавленным голосом:

– Да вы что, Станислав Владиленович, вы же наш гость, как же я посмею.

– Вот видишь, силком приходится всовывать, – печально пожаловался Куликов. – А так не берут. Надоело мне с ними ссориться, везде одно и то же. Ну чего заартачился? – чуть повысил голос Стась. – Бери, кому сказано! А то ведь я и в самом деле могу обидеться.

Фраза была произнесена с самым доброжелательным видом, Стась даже ободряюще улыбнулся и движением пальца придвинул охапку долларов еще ближе.

Официанта будто хватил столбняк, с минуту он стоял неподвижно, с нелепой гримасой, отдаленно напоминавшей улыбку, застывшей на его враз побледневшем лице. А потом осторожно, будто доллары таили в себе нешуточную опасность, потянулся за деньгами. Сейчас официант напоминал испорченную деревянную игрушку, настолько его движения выглядели нескладными. Казалось, еще мгновение, и послышится неприятный скрежет. Официант неряшливо собрал доллары в горсть и, виновато улыбнувшись, попятился от стола.

– Ну, что ты теперь скажешь? – повернулся Стась к Ольге, которая невозмутимо потягивала коктейль из высокого бокала. – Похож я на бандита?

Девушка повела хрупким плечиком и озадаченно произнесла:

– Как-то все это странно получилось... У меня такое ощущение, будто он готов был лучше отдать собственные деньги, чем брать их у тебя. Ну если ты не бандит, тогда кто же?

– Я просто уважаемый человек, которого многие знают.

– А может, ты «крыша» этого заведения? – продолжала допытываться Ольга.

Куликов очень серьезно посмотрел на подругу.

– О! Ты задаешь слишком много вопросов. Откуда ты знаешь такие слова, детка?

– Все-таки я не первый день живу в этом мире, мой дорогой, – проворковала девушка и прижалась к его плечу ласковой доброй кошечкой.

– Ты часом не работаешь в милиции?

– А что, похоже?

– Просто мне вспомнился один мой знакомый опер, который любил задавать неприятные вопросы.

– И чем же закончились его расспросы? – полюбопытствовала Ольга.

– Для него очень печально: привязали к его ногам камень в два пуда весом и отправили поплавать по Москве-реке.

Глаза Куликова не выражали ничего – обыкновенные стекляшки, в которых невозможно рассмотреть даже собственного отражения. По коже пробежали противные мурашки, словно на мгновение Ольга окунулась в ледяную прорубь. Она едва сдержалась, чтобы не вырваться из его жарких объятий.

– Ты это серьезно?

Взгляд Стася, еще секунду назад непроницаемый и холодный, неожиданно потеплел, а в самых уголках глаз проступила влага, напомнив первый весенний ручеек, пробившийся из-под снега.

Нечто подобное случается у любящих мужчин, созерцающих предмет своего обожания.

– Девочка, как ты еще наивна, но именно такой ты мне и нравишься больше всего. Неужели я так похож на злодея?

– Нет, но...

– Вот и славно, а теперь потихонечку встаем и уходим.

– А как же бутылка шампанского?

– Мы возьмем ее с собой.

– Что-то я не могу подняться, от выпитого вина у меня ослабли ноги. Ты бы сумел донести меня до машины?

Ольге шло даже легкое лукавство. Стась вспомнил, что никогда не носил женщин дальше постели, а здесь предстоял более сложный путь – идти придется между столиками, огибая по сложной траектории небольшой бассейн в самом центре зала. И со всех концов бара, пора-

женные чудачеством одного из самых уважаемых людей района, на него будут пялиться завсегда и заведения. И, отбросив последние сомнения, Куликов бережно поднял Ольгу и понес к выходу. Стась неожиданно ощутил прилив нежности – так доверчиво прижиматься могут только маленькие дети и любимые женщины.

– Кажется, мы оставили бутылку шампанского, – игриво прошептала в ухо подруга.

– Я никогда не возвращаюсь, – так же тихо ответил Стась. – Это очень плохая примета, к тому же ты покрепче любого шампанского.

Подоспевший официант, стараясь не смотреть в лицо Куликову, распахнул перед ним дверь и еще некоторое время в ступоре глядел, как тот преодолевал высокие ступени.

* * *

Ольга была из тех женщин, с которыми тратить время на разговоры было большим преступлением. Они созданы для того, чтобы с их точеных форм валяли скульптуры, а в перерывах между созданием бессмертных шедевров тискали на широких королевских кроватях.

Стась видел ее красивое и белое, словно итальянский мрамор, тело, но поделаться с собой ничего не мог. Сексуальный марафон почти в три с половиной часа отнял у него все силы. Пошевелив рукой, он натолкнулся кончиками пальцев на прохладное бедро Ольги. Слегка погладил. Нет, бесполезно. Кроме осознания плотского желания, должна еще быть и почти звериная похоть, которая вырывает на брюках пуговицы и заставляет в неистовом возбуждении скидывать с женщины одеяло. Но самое большее, на что был способен в эту минуту Стась, так это перекатиться на бок и ткнуться губами в ее покрасневшие щеки.

– В этот раз ты превзошла себя, – с чувством похвалил Куликов.

– Я стараюсь, – сдержанно произнесла Ольга. – Хочу тебе сказать откровенно, мне никогда не было так хорошо в постели. Не могла расслабиться, что ли.

– Жаль, что мы не встретились с тобой раньше, просто у тебя были плохие любовники.

Стас Куликов нашел в себе силы приподняться. Теперь он видел Ольгу всю, такую, как она есть: голая, бесстыжая, красивая. Стась знал, что минует пара часов, и он непременно найдет в себе силы для очередного сексуального подвига, но скорее всего будет поздно: девушка, подобно сказочной рыбке, махнет хвостиком и растает в неизвестности.

– Я очень люблю, когда ты меня разглядываешь голую, это меня очень сильно возбуждает, – призналась Ольга.

– Но боюсь, в данную минуту я способен только на созерцание.

– Стась, а ты помнишь, я тебе говорила про своего парня... Ну тот самый, моя первая любовь.

Куликов нежно провел ладонью по овалам подруги и почувствовал, как соски под его пальцами затвердели, налившись соком. Нехорошо доводить до экстаза женщину, оставаясь при этом совершенно бессильным.

Рука отправилась в дальнейшее путешествие, скользнула на живот, описала незамысловатый зигзаг вокруг пупка и съехала в ложбинку у основания ног. За несколько недель Стась достаточно изучил тело Ольги. Он помнил его не только глазами, каждая фаланга его пальцев была прекрасно осведомлена о малейшей складке на ее коже.

– Что-то такое припоминаю, но я, кажется, тебе говорил, что твоя прошлая жизнь меня несколько не интересует. Важно, что ты сейчас со мной. А тебе грустно?

– Немного... Когда-то я была очень привязана к этому парню. Все как-то ушло. В никуда. Обидно. Мы так и не поняли друг друга. Много о чем не договорили. И вот... Сейчас его нет. Недавно я встретила его на улице, он обещал прийти, теперь уже не встретимся. Никогда. А что ты будешь делать, если у меня вдруг появится любовник? – хитро сощурилась Ольга.

– Сначала я поинтересуюсь у него, понравилась ли ты ему как женщина, а после того, как удовлетворю свое любопытство, поступлю с ним точно так же, как с тем надоедливym опером. Тебе нравится такая идея?

Взгляд Куликова изменился, будто влага в уголках глаз покрылась ледяной корочкой. От его лица потянуло многолетней мерзлотой.

– Я понимаю, что ты шутишь, но вот твои глаза... они стали какими-то чужими, что ли. Если бы я тебя не знала, то сказала бы, что они просто страшные. Наверное, так волк смотрит на ягненка перед тем, как съесть его. Ты меня не слушаешь, а, серый волк? – заглянула Ольга в лицо Стасю.

– Не беспокойся, тебе это не грозит.

Стасю нравились бедра Ольги. Неширокие, почти мальчишеские, с ровной плавной линией. Кожа на них была по-особенному гладкой и на ощупь воспринималась как тончайший бархат. Именно здесь и пряталась тайна. От легкого нежного прикосновения нога чуть дрогнула. Стась, не отрываясь, смотрел на лицо девушки – важно не пропустить чувственных превращений. И оно произошло в следующее мгновение: глаза Ольги слегка затуманились, она едва слышно вздохнула, и тоненькие пальчики уцепились за край простыни. Последующая ласка заставила Ольгу закрыть глаза, и она, уже не стесняясь переполнявших грудь чувств, негромко вскрикнула.

– Я хочу еще, – жадно, не по-девичьи потребовала она. Именно такой, до бесстыдства откровенной Ольга нравилась ему больше всего.

– А я хочу тебя, – тихо, в самое ухо, сообщил Стась и зажал ее полуоткрытый рот поцелуем.

Глава 8

Достаточно было понаблюдать за Осяниным несколько минут, чтобы понять – ведет он себя странно. Он переходил с одной стороны улицы на другую, заглядывал во дворы, а потом неожиданно выскакивал оттуда словно ошпаренный; то неторопливо, заложив руки за спину, прогуливался, а то вдруг начинал ускорять шаги и едва не бежал. Оглядывался Петр Павлович очень часто. Он напоминал плохо подготовленного шпиона, провалившегося на первой же явке и сейчас спешно пытающегося перейти за кордон, вместе с радиопередатчиками и кипой шифрограмм, оттягивающих карманы.

Алексей не без улыбки наблюдал за всеми ухищрениями Осянина и думал о том, какой великолепный получится рассказ, когда он будет докладывать обо всем Шевцову. По существу, это было первое оперативное задание, которое получил сержант Козырев от майора. Дело весьма тонкое и очень деликатное. Это не милицейский «уазик», где позволительно включить сирену и, не разбирая дороги, мчаться в нужном направлении, крича в «матюгальник» на нерадивого. Здесь соображение иметь надо.

Возможно, Осянин подозревал о том, что за ним следят, и сейчас пытался сбросить «хвост». Скоро он убедился, что позади него никто не топает, и заметно успокоился, явно не подозревая о том, что совсем не обязательно топтать следом, когда хочешь кого-то выследить. Осянин пошел обычным шагом, уже не приковывая к своей персоне любопытных взглядов.

У девятиэтажного одноподъездного дома Петр Павлович остановился, потоптался немного на крыльце и, посмотрев по сторонам, вошел. Алексей направился следом. На лестнице раздавались шаркающие шаги. На третьем этаже Осянин остановился, некоторое время слышалось тонкое металлическое брнчание. «Роеся в связке ключей», – догадался сержант. Затем он уловил шорох отворяемого замка, и в следующую секунду раздался звонкий девичий голосок:

– Ну где же ты пропал, мой папенька, совсем забыл свою маленькую малышку! Бросил ее, оставил без внимания, сказал, что придешь, а сам пропал. Обманул бедную девушку. Скажи, что тебе стыдно, скажи!

Алексей неслышно поднялся еще на пол-этажа и в проеме лестницы увидел совсем юное создание, от силы лет четырнадцати-пятнадцати.

– Тише, Варенька, тише, – отгеснил Осянин внутрь комнаты хозяйку.

– А ты купил что-нибудь для своей маленькой девочки? Ты же знаешь, как все мы, женщины, обожаем всякие подарки. – Девочка погрозила Петру Павловичу своим изящным миниатюрным пальчиком и капризно произнесла: – Если ты меня не будешь баловать, тогда я тебя не буду любить.

– Деточка, – ласково пропел Осянин с интонацией дьяка соборной церкви, – ну когда я тебя обижал?

Дверь неслышно закрылась, спрятав за толстым слоем металла обрывок разговора. Постояв с минуту, сержант тихо спустился вниз. Судя по тому, на какой ноте происходил разговор, можно было смело предположить, что диалог закончится в уютной спальне. А Петр Павлович не промах, решил полакомиться молодым телом.

В нескольких шагах от подъезда стояла телефонная будка. Алексей набрал нужный номер и сказал:

– Это сержант Козырев. Пробеите, пожалуйста, кто прописан на улице Ямская, дом десять, квартира семь. Да, подожду... Осянину?! Это точно?.. Нет, я не сомневаюсь, просто так спросил. Ну, спасибо.

Значит квартира принадлежит Петру Павловичу Осянину. Эдакая милая норка, где престарелый родитель прелестно проводит время с юными возлюбленными. Алексей хмыкнул: вся

конспирация Осянина была направлена на то, чтобы уберечься от всевидящего ока чересчур ревливой супруги.

Сержант посмотрел на часы – до условленной встречи с майором оставалось полчаса. Он вышел на обочину, поднял руку, и тотчас, сбавив скорость, к нему подрулила «шестерка» с тронутыми ржавчиной крыльями, приветливо просигналив поворотниками.

– До МУРа добросишь? – поинтересовался Алексей.

Водитель, с серой щетиной на щеках, недоверчиво посмотрел на клиента, видно, пытаясь оценить его финансовые возможности, и осторожно заметил, угадывая в парне переодетого опера:

– Я не бесплатно.

– Не бойся, – улыбнулся Алексей, распахивая переднюю дверцу, – не обижу, дам, сколько положено.

– Вот это другой коленкор, – весело сказал водила и, крутанув рулем, проворно нырнул в самую гущу движения.

* * *

Шевцов сидел за столом и что-то писал. На вошедшего Алексея он едва обратил внимание, лишь молча кивнул в ответ на негромкое приветствие и взглядом указал на свободный стул. Прошло несколько минут, прежде чем майор, посмотрев на исписанные листы, одобрительно крикнул, аккуратно сложил их в тоненькую папку и перевязал тесемками.

– Уже требуют отчет, а чего давать-то, если только начали работу. – Он махнул в сердцах рукой и бесцветно произнес: – Ладно, это мои проблемы, выкладывай, что там у тебя.

Сержант Козырев чувствовал себя именинником, и было от чего.

– Я следил за Осяниным четыре дня, как вы и говорили. Поначалу он мне тоже показался странным. Шарахается от каждого прохожего, как от прокаженного, оглядывается по сторонам. Иной раз охрану от себя даже на шаг не отпускает, а в другой раз убегает куда-то в самую темень в совершенном одиночестве. – Алексей не переставал улыбаться. – И что же вы думаете, почему?

– Ладно, не тяни, рассказывай дальше.

– Оказывается, он от жены прячется. Мужик он здоровый, в соку, вот и погуливает понемногу. Супруга узнала о его приключениях и наняла частного детектива, который быстро выведдал все его слабости. Естественно, та закатила скандал. На некоторое время Осянин утихомирился, а теперь опять по девочкам начал таскаться. А девочкам этим, хочу заметить, даже шестнадцати-то нет. Если его и можно привлечь, то уж не за убийство, а за растление малолетних.

– Ладно, молодец, хорошо поработал. Посмотришь за ним еще недельку, а там видно будет. Не забывай фиксировать все его связи, может быть, что-нибудь неожиданное выплывет. А теперь пойдем со мной, поищем ту загадочную фирму, откуда не вернулись пропавшие ребята.

Во дворе майора Шевцова дожидались четверо автоматчиков в пятнистой форме и в облегченных бронезилетах. В руках укороченные «АКМ». Оружие они держали небрежно, едва закинув через плечо. Но вместе с тем такое положение очень удобное, чтобы одним рывком сорвать его и прицельно выпустить очередь. За вольностью, с которой они обходились с автоматами, чувствовался профессионализм настоящих военных. Ладные фигуры людей в камуфляже невольно вызвали уважение. Прохожие делали значительный крюк, чтобы случайно не попасть в радиус их наблюдения. Омоновцы никуда не торопились, давали понять, что ждать для них такое же обыкновенное дело, как прицельно палить по мишеням.

Шевцов уверенно подошел к омоновцам и бодро поинтересовался:

– Готовы?

– Ждем-с, – отозвался один из них, с широкой мускулистой спиной и гладким, словно еще не ведавшим остроты стального лезвия лицом. Говорил он громко и уверенно, как и положено старшему в группе.

Автобус уже стоял наготове. Неспешно загрузились. Водитель еще раз уточнил маршрут и охотно закрутил рулем. Ехали быстро, считая колесами каждую колдобину, ремни на автоматах предупреждающе позвякивали, а говорливый омоновец с лицом херувима, вкусившего все сладости земного бытия, рассказывал об очередном плотском увлечении. Получалось умело, и несколько раз благодарные слушатели откликнулись на его повествование громким смехом.

Автобус тряхнуло еще раз, но уже так, что у пассажиров звонко щелкнули зубы, а водитель, выключив зажигание, довольно объявил:

– Все, приехали!

– Мать твою, мог бы и поаккуратнее везти. Все-таки у тебя в машине не поленья, – сердито, но со смешинкой в глазах укорил «херувим», и ствол автомата невзначай сполз у него с плеча и задиристо уткнулся в живот незадачливому шоферу.

– Ты бы своей пушкой-то поосторожнее, – отпрянул в сторону водитель.

– Ладно, не дрейфь, оно не заряжено, – улыбнулся «херувимчик» с глазами дьявола и спрыгнул обеими ногами в придорожную грязь. Следом, придерживая стволы автоматов, попрыгали и другие.

– Фотороботы при вас?

– При нас, товарищ майор, – отозвался высокий омоновец с коротенькой черной бородкой.

– Отлично. Их лица хорошо запомнили?

– Не впервой, если встретим, узнаем, товарищ майор, можете не волноваться.

– Тогда не будем тянуть время, работы у нас неупрощения, нужно прочесать каждое здание. Пойдемте, – развернулся Шевцов и, не оглядываясь, заторопился к ближайшему дому.

Глава 9

Ольга, стараясь не наступать на раскисший снег, вышла из затемненной подворотни и направилась в сторону ближайшего магазина. Она старалась идти, прямо выгнув спину, как будто ступала не по мокрому асфальту, а по узкому подиуму, на который взирают сотни заинтересованных глаз. Ольга однажды обещала себе не делать разницы между улицей и зрительным залом и старалась передвигаться так, словно от каждого ее шага зависел выгодный зарубежный контракт. Ей нравились восторженные мужские взгляды, и она не сомневалась, что даже самые верные мужья оглядываются ей вслед. В поклонении своей красоте Ольга нуждалась ежедневно, так же, как актрисы – в бурных аплодисментах, а пьяница – в стакане вина.

Девушка почувствовала, как кто-то крепко ухватил ее за руку. Она уже хотела сказать грубияну что-нибудь неприятное, но услышала знакомый голос:

– Боже мой, и с этой девушкой я когда-то был знаком. Мне даже не верится. Как я был глуп, что упустил собственное счастье. А может, и сейчас не поздно возобновить наше так неожиданно прерванное знакомство?

Рука Геры Ивашова незаметно скользнула, обхватив Ольгу за талию.

– А кто в этом виноват? – Голос девушки слегка напрягся. – Ты же сказал, что непостоянен и способен увлекаться одновременно несколькими девушками.

– Оленька, боже ты мой, когда это было! Прошло тысячу лет, после нашего расставания я очень переменялся. Я повзрослел. Если я кого-то и хотел всегда по-настоящему, так это только тебя. Неужели ты в этом сомневалась?

Рука Геры ослабила хватку, скользнула ниже пояса Ольги.

– А ты случаем не забыл, что сказал мне на прощание?

Мягко и в то же время настойчиво Ольга убрала руку Геры.

Гера Ивашов и не пытался скрыть досаду:

– Что-то не припоминаю.

– Если ты забыл, я тебе напомню. Ты сказал, что было время, когда нам с тобой было очень хорошо, но сейчас оно ушло и прежнего не вернешь, а следовательно, нам лучше расстаться.

– Скольких женщин нужно было познать, чтобы понять, как я был глуп и что ты мне нужна по-настоящему, – с чувством произнес Гера. – Отойдем в стороночку, чтобы не мешать прохожим. Давай выберем для беседы во-он тот скверик, народу там поменьше.

Ивашов вновь взял Ольгу за локоть и бережно повел за собой.

Лавка была с влажными разводами застаревшей грязи. Гера достал из кармана большой пакет, разложил его на скамье и торжественно пригласил:

– Прошу!

– Только-то и всего, – едва пожала плечиками Ольга. – Я помню, были времена, когда ты снимал брюки и клал на скамейку, чтобы я не испачкала свое летнее платье.

– Когда-то я снимал с себя штаны, чтобы доставить радость тебе одной, теперь я раздеваюсь на радость десяткам женщин одновременно, – едва улыбнувшись, мягко произнес Гера, присаживаясь. – Когда я их бросаю в зал, они разрывают их на сувениры.

– И тебе не жалко своих брюк? – удивленно подняла брови Ольга.

– Тогда я был нищий студент и трясся над каждой копеей. Сейчас я могу покупать себе по двадцать пар штанов в день и знаю, что не обеднею.

– А брюки-то у тебя светлые, и наверняка на них останется след, – печально произнесла Ольга. – Впрочем, мне все равно приятны такие жертвы.

– Так ты согласна со мной встречаться?

– Ты опоздал, Гера. Где ты был хотя бы месяц назад? Тогда еще можно было что-то исправить. Теперь я не одна. Может быть, лучше останемся с тобой добрыми друзьями?

Ивашов грустно выдохнул:

– Понятно... Когда девушка говорит о дружбе, у тебя нет никаких шансов. А ты не забыла, именно в этом скверике начиналась наша любовь. Ты сидела одна вон на той скамейке, и я попросил разрешения присесть рядом. Помнишь? Потом мы с тобой разговорились, а через два дня я тебя поцеловал.

Ольга невольно улыбнулась, от воспоминаний веяло теплом, и полузабытые ощущения слабым током пробежали по телу.

– Оказывается, у тебя очень хорошая память. А ты не позабыл, что было потом... когда ты ушел? Дважды меня вынимали из петли... Прости, что я напоминаю тебе об этом.

Гера нахмурился:

– Это ты меня извини, я не представлял, что так получится. Кто знал, что ты такая тонкая натура. Я, толстокожий, должен был все предусмотреть заранее.

Ольга порывисто встала и произнесла:

– Мне надо идти!

Ивашов уверенно поймал девушку за руку и проникновенно проговорил:

– А слезки-то у тебя остались, все-таки я тебе не безразличен.

– Пусти меня, – строго сказала красавица.

Гера поднялся и свободной рукой обхватил Ольгу за талию. Теперь девушка находилась в его власти: он мог ее поцеловать, мог притянуть к себе, мог оттолкнуть, но просто держал в своих объятиях, не желая расставаться.

– Нет.

– Пусти, иначе я буду кричать.

– Кричи, – разрешил Гера. – В этом случае прибежит милиция, меня задержат, а потом будут судить за попытку изнасилования. Ты хочешь, чтобы я провел ночь в «обезьяннике», вместе со всякими подозрительными типами, и тебе не будет жаль меня?

– Пусти.

– Ты не одна, понимаю, кто же этот счастливец, если не секрет?

– Тебе лучше этого не знать.

– И все-таки?

Ивашов не отпускал. Он почувствовал, что Ольга пригласилась в его объятиях, как подневольная птичка в руках хозяина.

– Он очень серьезный человек. Тебе лучше с ним не встречаться.

Гера невольно хмыкнул:

– Я его боюсь. Хорошо, я не буду искать с ним встречи, но мне бы хотелось видиться с тобой... хоть иногда.

Ольга наконец освободилась из плена, чуть оттолкнув его руки, но получилось все как-то неуверенно, будто она все еще продолжала находиться в его власти.

– Ты этого очень хочешь? – вдруг проговорила Ольга, стараясь не смотреть в глаза Ивашову.

– Скажу тебе откровенно, никогда я не желал женщины сильнее, чем сейчас.

– Я не про то... Ты бы хотел иногда со мной встречаться?

– Хотя бы иногда... если это возможно.

На лице Ольги отобразилось смятение. Как-то суетливо, скрывая дрожь в пальцах, она порылась в небольшой кожаной сумочке и достала листок бумаги с ручкой, после чего бегло черкнула несколько цифр.

– Это мой телефон.

– А адрес? – мягко принялся настаивать Гера.

– Ну хорошо, вот это мой адрес, – кончик ручки легко заскользил по гладкой белой поверхности. – Только, ради бога, прошу тебя, позвони, прежде чем зайти. – Ресницы широко распахнулись, выдавая плохо скрываемое волнение.

– Не беспокойся, – Ивашов победно сунул клочок бумаги в карман куртки, – я тебя не подведу.

Ольга встала с лавки, отошла на несколько шагов и неожиданно обернулась.

– Ответь мне откровенно, Гера, это случайно, что мы с тобой встретились, или ты меня поджидал?

– Я знал, что ты сегодня должна прийти к родителям... Я жду тебя уже два с половиной часа.

– Спасибо за правду, – улыбнулась Ольга и помахала на прощание пальчиками.

С минуту Гера стоял неподвижно, наблюдая за ее эффектной походкой. Даже если бы она оступилась в лужу, то сделала бы это с изяществом балерины, исполняющей партию умирающего лебедя. Он почувствовал, как в крови загулял адреналин, его брожение приятно щеколало нервы и усиливало ощущение жизни. Нечто подобное он испытал вчерашним вечером, когда ему удалось в течение пяти минут разжечь до самого настоящего экстаза три десятка женщин. Одну из них он выдернул на сцену и, покружившись с ней в коротком танце, принялся раздевать на глазах у всей публики, в том числе ее парня, с которым она пришла в бар. Как потом выяснилось, тот оказался одним из местных авторитетов. Вскочив на сцену, кавалер столь темпераментной девушки вытащил из кармана раскладной нож и попытался достать заточенным острием нагльца стриптизера. Но Гера, с гибкостью профессионального танцовщика, каждый раз уходил от жестокого удара. Подоспевшая охрана через пару минут стащила взбунтовавшегося зрителя со сцены, но мужчина, изловчившись, в последнем и яростном движении сумел дотянуться до Геры и концом ножа срезал тесьму, крепившуюся на плечах. И легкий костюм мгновенно упал к его ногам, оставив танцора в одеянии прародителя Адама. Рядом, невинной Евой, под громкие хлопки зрителей, даже не заметив произошедшего инцидента, с чувством извивалась разгоряченная девушка. Все это напоминало хорошо подготовленное шоу, никто не мог и предположить, что Гера находился в сантиметре от смертельной опасности. А разбушевавшегося парня проводили из зала дружными аплодисментами, словно он являлся едва не главным участником состоявшегося спектакля. В тот момент Ивашов ощутил необычайный сексуально сильный прилив; глядя со сцены на кричавших в восторге женщин, он осознал, что за ночь сумел бы удовлетворить каждую из них не меньше чем по три раза.

Неожиданно для себя он сделал открытие, что близость опасности усилила его мужское желание и доставила ему такой эмоциональный заряд, какой он не испытывал очень давно. За последние три года его чувства сильно притупились, секс стал обыденным, не было той яркости и новизны, что раньше. А тут такой нежданный всплеск! И ему захотелось вновь ощутить неповторимые эмоции и дьявольский зов плоти, возможно, пройти по самой грани наслаждения и смерти.

Провожая девушку взглядом, Гера думал: приятно будет потом поздороваться со Стасем, зная, что не далее как вчера вечером зашел к милой Ольге на огонек и, не снимая ботинок и шляпы, оттрахал ее в прихожей по полной программе.

Дождавшись, когда Ольга свернула за угол, Гера поправил шарф и поспешил на репетицию.

Глава 10

– Товарищ майор, а может, мы просто не на той улице ищем? – небрежнее, чем следовало бы, сказал омоновец, поправив рукой сползающий автомат. Ствол уныло уперся в раскисшую грязь, явно скучая без привычной работы.

Шевцов внимательно посмотрел на бойца, который мужественно выдержал начальственный взор, и строго поинтересовался:

– Тебе что, надоело размахивать автоматом? Могу освободить тебя от этой обязанности. На твоё место найдутся немало охотников.

– Я просто спросил, товарищ майор, – чуть смущаясь, отозвался паренек.

– Так вот, будем искать столько, сколько потребуется, – объявил Шевцов, буквально вжав тяжелым взглядом возроптавшего омонольца в землю. – Что там за контора? – показал майор на большой каменный забор метрах в пятидесяти от основной дороги.

– Это охранная фирма, товарищ майор, – сообщил сержант Козырев, – я тут пробил по ней кое-какую информацию, – неопределенно пожал он плечом.

– И что? – раздраженно спросил майор. – Не телись, говори, а то ведешь себя, как баба на сносях.

– За ними ничего такого не замечено, занимаются предоставлением охранных услуг, к ним обращаются за помощью весьма солидные и серьезные люди. За свою работу они берут немало, но дело свое знают отменно. Правда, пару раз они участвовали в каких-то скандалах, на них подавали в суд за незаконное установление прослушивающих устройств.

– И чем же все это закончилось?

– Ничем. Дело в суде развалилось за недоказанностью.

– Однако, я смотрю, они ребята очень непростые. Ладно, пойдемте к ним, может, они нам что-нибудь подскажут, – и Вадим уверенно зашагал в сторону сыскной фирмы.

За день было осмотрено двадцать три дома. Шевцов не ленился заходить в каждую квартиру, показывал фотороботы, но результатов не было. Заприметив вооруженных людей в камуфляже, каждый второй жилец начинал виновато улыбаться, смущался необыкновенно, будто держал под кроватью парочку неучтенных покойничков. Нужно было делать существенную скидку на нестандартность ситуации, иначе едва ли не всех пришлось бы препроводить в следственный изолятор. Проверены были все подвалы, дворы, заглянули в каждый угол, но обнаружить ничего не удалось.

Майор Шевцов уже не верил в успех – не исключено, что Осянин перепутал улицу, и, значит, в следующий раз будет не беседа, а самый настоящий допрос с яркой лампой, способной осветить лицо не хуже мощного прожектора. Вот тогда, господин директор, мы посмотрим, как задергается твой лицевой нерв.

Вадим отломал веточку, соскреб с ботинок налипшую гадость, что неудивительно, если целый день скитаешься по помойкам, и вошел в калитку. Двор был огромный, вполне культурный. Не видать мусорных куч, весьма актуальных для этого времени года, вдоль забора в неровный ряд выстроилась техника: три автобуса, два грузовика, с десятков легковых автомашин, был даже гусеничный трактор, стоявший особняком и упирившийся капотом в каменную стену здания.

Едва омонольцы перешагнули на территорию сыскного бюро, к ним подошел высокий коротко стриженный человек. Несмотря на стылую погоду, одет он был легко: поверх фланелевой рубашки коротенькая кожаная куртка. Нижняя пуговица расстегнута, и у самого пояса красовалась открытая кобура, из которой торчала ручка «вальтера». Смешно думать, что он способен справиться с четырьмя бойцами, вооруженными автоматами, но неприятностей немецкая автоматическая игрушка способна принести немало, если с ней обращаться грамотно.

Не сводя глаз с Шевцова, левой рукой он вытащил из кармана удостоверение, показав его, представился:

– Начальник службы охраны Волков.

Действовал профессионально: под прицелом серых и хищных глаз держал всех шестерых. Вместе с тем не приблизился вплотную, опасаясь быть сбитым аккуратной подсечкой, а стоял малость поодаль, дабы иметь пространство для маневра и еще пару секунд, чтобы выхватить револьвер и пальнуть в близстоящего.

Первым был Шевцов.

Достойного противника почувствовали и автоматчики, майор уловил их настроение по изменившимся лицам, ставшим враз настороженными.

– Мне бы хотелось взглянуть на ваши документы. Вы на территории, куда запрещен вход посторонним лицам. – Не отрывая взгляда от Шевцова, он захлопнул «корочку» и спрятал в карман. Правая рука по-прежнему оставалась свободной.

Знаток, ничего не скажешь. Начальник охраны вел себя так, будто за спиной у него стоял по меньшей мере взвод автоматчиков. Неспроста. Шевцов посмотрел по сторонам и тут же увидел трех человек, стоящих в глубине двора. Двое из них находились у соседнего строения, спрятав правую руку за спину, а третий – молодой, с дерзкой улыбкой – упирался руками в бока, открыто демонстрируя автоматический «глок-17». Стоп! На втором этаже здания промелькнул силуэт. Неспроста все это. Очень неплохое место для атаки. Где-нибудь рядышком затаился пулемет с полным боекомплектом. Дальнейшая тактика легко прогнозируема: ударом ствола разбивается стекло, и нехитрым нажатием на гашетку посылается свинцовый гостинец в сторону непрошенных гостей. Теперь понятно, откуда такая самоуверенность начальника охраны. Скорей всего они заметили приближающихся еще при подходе к сыскному бюро и предусмотрительно спустились вниз, не забыв захватить стволы.

На лице майора отобразилось нечто похожее на улыбку. Им не нужно было обмениваться фразами, они прекрасно понимали друг друга и без слов, потому что вскормлены были одной конторой.

– Послушай, как там тебя, – неожиданно потерял терпение омоновец с лицом херувима. – Ты думаешь, мы сюда пришли, все при оружии, из простого любопытства?

Волков продолжал хранить безмятежность.

– Хочу предупредить вас, что наш разговор записывается на диктофон, так что давайте обойдемся без оскорблений. Иначе они могут вам сильно осложнить дальнейшее существование.

Надо отдать должное начальнику по безопасности – свои обязанности он знал и выполнял грамотно. Если произойдет что-то непредвиденное, упрекнуть его будет не в чем.

– Не надо дергаться, – строго обрезал Шевцов, – люди выполняют свою работу и делают это весьма неплохо. Лучше давайте обмениваемся любезностями. – И он, достав документ, представился: – Заместитель начальника уголовного розыска майор Шевцов. А вот это разрешение от прокурора на обыск. Надеюсь, у вас не возникнет больше вопросов, господин Волков?

Глаза Волкова на мгновение уткнулись в бумагу с гербовой печатью. Самый удачный момент, чтобы сбить его на землю коротким ударом в горло. А дальше длинную очередь в окна второго этажа. Тщательно изучив документ, начальник службы охраны согласно кивнул и жестом радушного хозяина пригласил автоматчиков в глубь двора.

– Может, вы мне скажете, что ищете? Возможно, я бы вам помог, – в этот раз голос стал мягче. Были соблюдены все правила игры.

Шевцов печально улыбнулся.

– Не утруждайте себя, мы попробуем справиться собственными силами.

– Как вам будет угодно, – сухо отозвался Волков и, демонстративно повернувшись к ним спиной, зашагал в сторону здания.

Майор посмотрел на окна второго этажа: подозрительный силуэт исчез. Глупо было бы прочесывать помещения и искать в них пулемет, на это потребуется много времени. А потом, эти парни умеют прятать и наверняка уже подготовили какой-нибудь запасной беспроектный вариант. Если хочешь взять этих ребят, то следует это сделать на чем-то другом.

– Вы пойдете со мной, – приказал майор стоявшим рядом омовцам, – а вот вы вдвоем, – взглянул он на крепкого сержанта с короткой шеей и стоявшего с ним верзилу, – останетесь здесь и посмотрите во дворе, может быть, чего-нибудь отыщете.

– Есть, – по-боевому отозвался сержант с фигурой штангиста-тяжеловеса.

Вадим заглядывал в каждую комнату. На лицах сотрудников ни малейшего опасения, если что и было, так обыкновенное любопытство. Обстановка самая что ни на есть рабочая: негромко гудят принтеры, за компьютерами, не поднимая глаз, сидят серьезные люди. Четыре комнаты были отданы под документы. Половину этажа занимал так называемый технический отдел, заполненный приборами, которые Шевцов встречал только в каталогах. Детективная фирма работала по-крупному и с успехом могла конкурировать даже с государственной машиной. Если покопаться более детально в их лаборатории, то обязательно отыщешь массу такого интересного, что даже взлом файлов секретных учреждений покажется рядовым хулиганством.

Сопровождала майора милая девушка лет двадцати. Она охотно отвечала на все вопросы Шевцова и была настолько серьезной, что создавалось впечатление, будто она держит самый сложный экзамен в своей жизни.

– Дальше по коридору комната бухгалтерии. Сами понимаете, без них невозможно обойтись даже в нашем деле. Небольшой зал напротив – здесь наши сотрудники под руководством опытных инструкторов изучают новейшие технологии, которые мы выписываем из Европы и Америки.

– Да, работа у вас поставлена на солидном уровне.

– Я соглашусь с вами, мы вкладываем немало средств, но все это окупается, – тем же тоном деловой леди завершила секретарша.

– А вы могли бы более конкретно сказать, чем же занимается ваша фирма?

Девушка чуть улыбнулась.

– По этому вопросу вам лучше переговорить с директором фирмы.

– А я могу с ним встретиться сейчас?

На лице появилось участливое выражение:

– Знаете, его, к сожалению, сейчас нет на фирме.

Шевцов успел обратить внимание на то, что девочка была прекрасно дрессирована и с уверенностью отвечала на любой из его вопросов.

– Действительно, жаль.

– Но вы можете прийти в следующий раз, и он непременно удовлетворит ваше любопытство.

Девушка чуть приостановилась у выхода. Очень напомидало вежливую форму прощания. Майор Шевцов сделал вид, что не заметил распахнутых дверей, и зашагал дальше по коридору.

– А вот здесь что у вас? – ткнул он пальцем в узкую дверь, покрашенную ядовито-бордовой краской.

– Здесь ничего нет. Это запасной выход, а немного впереди будет спортзал.

– Значит, все сотрудники поддерживают форму? – взгляд Вадима мимоходом остановился на голых коленках девушки.

Судя по всему, директор не только прекрасно разбирался в охранном бизнесе, но и был большим сторонником голливудских стандартов.

– Это одно из основных требований, – по-деловому ответила секретарша, – ведь нашим сотрудникам, впрочем, как и вам, нередко приходится попадать в нестандартные ситуации.

– Разумеется, – охотно подтвердил майор, не в силах отвести взгляда от ее аппетитных ног.

В здании было много интересного, но вместе с тем не было ничего, что хотя бы на шаг подвинуло его к разрешению убийства на Кобыльей пяди.

Девушка развернулась и пошла дальше по коридору. Короткая юбка бесстыдно обтягивала узкие бедра. Возможно, некоторые из мужчин назвали бы ее суховатой, но майор Шевцов всегда западал именно на таких – длинноногих и с высоким бюстом. Такие груди можно мять в ладонях, как резиновые мячики, но что интересно, от подобных процедур они становятся только крепче.

С не меньшим интересом девушку разглядывали и остальные. «Херувимчик» откровенно делал ей знаки, но красавица глядела на него столь же невозмутимо, как Венера Милосская в Летнем саду на толпу ротозеев. Крошка знала себе цену, если она и отдавалась, то за очень большие деньги. Майор посмотрел на «херувимчика», у которого из-под хитона торчали вполне бесовские копыта, и подумал: чтобы быть накоротке с такой девочкой, нужно иметь немалую мощну. Одних мускулов здесь будет недостаточно.

– Если вас не затруднит, откройте, пожалуйста, эту дверь.

Девушка безразлично повела плечом и произнесла:

– Пожалуйста. Обождите здесь минутку, только уверяю вас, вы не найдете там ничего интересного.

Секретарша задержалась минут на пятнадцать, впрочем, с ее данными это выглядело чисто символическим опозданием. В руке она держала длинный, похожий на прут ключ. Девушка вставила его в замочную скважину и дважды повернула.

– Убедитесь сами, в этой половине двора нет ничего привлекательного, – распахнула она дверь. – Один хлам! Наш директор давно хотел вывезти все это на свалку, да никак не доходят руки.

– Ничего страшного, – заверил Шевцов, – у нас работа такая. Все время приходится заниматься каким-нибудь барахлом, – и не спеша стал спускаться по крутым ступенькам, стараясь не испачкать локти о побеленные стены.

Действительно, здесь царил полнейшая разруха: у самой стены валялась покореженная кабина от «КамАЗа», в углу были свалены куски кирпичей, рядом в стопке лежали посеревшие доски, прикрытые обрывками толя; мятый, словно угодивший под пресс кузов темно-вишневого «Москвича»; и огромную точку в этом хаосе ставил проржавленный старинный рукомоиник, побитым атлантом валявшийся в самой середине двора.

– Я же вам говорила, что здесь ничего нет, – мягко, чуть раздосадованно протянула секретарша. – Один мусор, от которого давно пора освободиться.

– Согласен с вами, место малопривлекательное, – перешагнул через обломок трубы Шевцов.

Он не мог понять причину своего беспокойства, но смутные подозрения уже отравили его нутро и заставили насторожиться. Что-то здесь было не так. Но вот что именно, майор понять пока не мог.

В дальнем конце двора, сиротливо притулившись к мусорной куче, стояла красная девяносто девятая модель «Жигулей». Правое крыло было помято.

– А эта машина у вас давно здесь стоит? – небрежно поинтересовался Шевцов, ковырнув пальцем облупившуюся краску.

– Давно. По-моему, несколько месяцев, – пожала плечами девушка.

– А кому она принадлежит?

– Кажется, директору.

– Вы правы, – улыбнулся Вадим, – тут и вправду нам нечего делать. Так где, вы говорите, директор?

– Его сейчас нет в конторе, он на приеме у мэра, – зачастила секретарша.

– Вот как, – поднялся по ступеням майор Шевцов. У самой двери он услужливо пропустил симпатичного гида вперед. Немного притормозил, разглядывая ее ладную фигуру. Чуть смутился, заметив насмешливый взгляд сержанта, и, отвернувшись к окну, вяло поинтересовался: – А не его ли «Ландкрузер» стоит у входа?

Секретарша продолжала дежурно улыбаться. Именно с таким выражением лица многоопытная мадам провожает из своего заведения постоянных клиентов. При упоминании о «Ландкрузере» в лице девочки что-то неуловимо изменилось: то ли выражение его приняло более жесткий оттенок, то ли искорки в глазах вспыхнули сильнее, чем следовало бы. Но так или иначе перед ним уже стояла другая женщина. А ведь ты, крошка, очень равнодушна к своему начальнику, и, возможно, здесь скрывается нечто большее, чем банальный служебный роман.

– Вы знаете, у него четыре машины, и он мог уехать на любой из них.

Теперь майор понял, что его насторожило в белокурой бестии. Откровенность, с какой она его разглядывала. В любой другой ситуации Вадим нашел бы ее глаза вполне честными, голос завораживающим, а фигуру очень сексуальной, но так смотреть может только женщина, пустившая по миру два десятка мужчин. Ей он представлялся малым дитятей, которого можно соблазнить дешевеньким леденцом. Некий статистический материал, шутки ради с ним можно поиграть, да и забыть.

И вот еще руки, им не хватало покоя. Дважды она даже ухватилась длинными холеными пальцами за концы блузки – очень неосторожное движение. Такой аппетитной девочке следовало бы вести себя поосмотрительнее.

– Ах вот как?! – искренне удивился Шевцов. – Впрочем, ничего удивительного здесь нет, все-таки он человек состоятельный. Наверное, так и должно быть. Правда, странно, что он не поехал на джипе. Я слышал, что обычно он предпочитает именно эту машину, – бил наугад майор Шевцов.

В глазах девушки промелькнуло замешательство, но она тут же спрятала свое смущение за располагающей улыбкой.

– Совсем не обязательно, насколько я его знаю.

Со временем из нее может вырасти настоящая волчица, но сейчас перед ним был всего лишь кутенок, который может до крови расцарапать руку.

Секретарша оперлась руками о подоконник и вслед за майором взглянула в окно. Она не могла не знать, что именно такая поза делает ее особенно соблазнительной. Если она еще наклонится самую малость, ему удастся рассмотреть цвет ее трусиков. Один из самых популярных приемов, чтобы рассеять внимание потенциального противника или, во всяком случае, отправить его мысли гулять совсем в ином направлении. Такое впечатление, будто девочка прошла курсы в разведшколе.

Так и есть, девочка неожиданно обернулась, явно пытаясь уличить его в рассматривании женских прелестей, – еще один способ заставить мужчину засмущаться. В этом случае она будет иметь небольшое психологическое преимущество.

– А вы говорили, здесь находится спортзал? – показал Вадим на бронированную дверь. – Такая дверь больше подошла бы какому-нибудь крупному банку.

– Совершенно верно, – ответила с легкой улыбкой девушка. – Хотя тут нет ничего странного. В этом помещении находятся кое-какие материальные ценности.

– А нельзя ли уточнить, какие именно?

Ресницы девушки невинно запорхали:

– Как вам сказать...

– Как есть, – улыбнулся майор. – В милиции – как на исповеди.

– Тренажеры, спортивные снаряды, – старательно стала перечислять девушка

– А нельзя ли открыть эту дверь?

– Вам лучше поговорить с начальником охраны. Обождите меня здесь, я сейчас приду, – и она быстро зацокала по коридору высокими каблуками.

– Вот что, – вполголоса произнес Шевцов, – «девяносто девяную» во дворе видели, с помятым крылом? – посмотрел он на Алексея Козырева.

– Так точно, товарищ майор.

– Дело в том, что, по рассказу директора «Мостранспорта», он столкнулся именно с «девяносто девятой» и помял ей крыло. Потом на него наехали и отобрали водительское удостоверение. Не будем исключать, что это те самые «Жигули», а директор охранного бюро и есть тот человек, которого мы ищем. Всем нуж-но быть начеку и готовиться к любым сюрпризам.

– Понял, – лицо сержанта вмиг стало серьезным.

– Вот еще что, – так же тихо продолжал майор. – Скажи ребятам, чтобы заканчивали досмотр и шли сюда.

– Есть, товарищ майор!

– У меня такое ощущение, что наших сил будет недостаточно, так что быстро свяжись, пускай присылают подкрепление.

– Есть! – отозвался «херувим», и глаза его при этом блеснули.

Ангелочек готовился грешить.

– Еще раз предупреждаю, безо всякой спешки, никто из сотрудников фирмы не должен знать, что мы чего-то заподозрили.

– Понял, – глухо проговорил омовец и спокойной походкой уверенного в себе человека потопал по длинному коридору.

Через минуту в сопровождении секретарши появился начальник охраны. На красивом тонком лице маска безмятежности, и только руки, чуть более суетливые, чем следовало бы, указывали на то, с каким трудом ему далось показное равнодушие.

– Что именно интересует? – спросил Волков, слегка улыбнувшись, тем самым надеясь нейтрализовать майора или хоть как-то расположить к себе.

– Я хочу знать, что находится за этим порогом. Если там спортзал, то почему он оборудован бронированной дверью?

– Ах, это! – чересчур беззаботно воскликнул начальник. – Там небольшой тир. Все-таки мы охранное агентство и, разумеется, кроме бросков, должны тренировать себя и в стрельбе из оружия. Если вы сомневаетесь насчет лицензии, то я могу вам ее предоставить, у нас все, как положено по закону, печати, подписи и так далее. Я лично занимался этим, так что у нас не будет никаких проколов. Валечка, – повернулся он к секретарше, – если тебе не трудно, сходи, пожалуйста, в мою комнату, там на столе лежит папка с документами, принеси ее сюда.

– Хорошо, сейчас, – охотно откликнулась девушка.

– Постойте, не торопитесь, – как можно мягче произнес Шевцов, – придет время, мы с вами доберемся и до этих документов. – В конце коридора он увидел «херувимчика», идущего в сопровождении двух омовцев, автоматы все так же безмятежно болтались на плечах. Только в них самих что-то неуловимо переменялось. Теперь это были бойцы. «Херувим» поднял правую руку над головой, сомкнул большой и указательный пальцы – все в порядке! – Но сейчас меня очень интересует это помещение и все, что в нем находится.

Начальник охраны обладал чутьем одинокого волка, только у такого зверя до предела могут быть обнажены нервы. Он обернулся, увидел троих приближающихся омовцев и, несмотря на их внешнее спокойствие, почувствовал в них почти смертельную угрозу.

– Вы что-то ищете? – бесцветным тоном поинтересовался начальник охраны. – Скажите мне откровенно, что вы все-таки ищете, тогда я, может быть, сумею вам помочь?

– Послушайте, я начинаю терять терпение, – сдержанно и в то же время очень жестко произнес майор Шевцов. – Меня интересует, какие мероприятия происходят за этой дверью. Только не надо мне говорить, что у вас нет ключа!

– Ключ находится этажом выше. Я схожу за ним, – повернулся Волков.

– С вами пойдет наш сопровождающий, – заставил обернуться начальника охраны Шевцов.

– Как вам будет угодно. – Равнодушно пожав плечами, выверенным шагом строевого офицера Волков заторопился прочь.

Следом зловещей тенью отправился краснощекий «херувим».

Через несколько минут они вернулись, в руках у Волкова бренчала связка ключей. Лицо его приняло кислотоватое выражение.

– Напрасно вы так, не там вы преступников ищите. Все-таки у нас солидная фирма, очень влиятельные клиенты. И чтобы связываться с банальным криминалом – это не про нас.

Не спеша он отпер дверь и распахнул ее.

– Здесь темно, включите свет.

Небольшая заминка. Начальник охраны и Шевцов встретились взглядами. Волков как-то странно улыбнулся и щелкнул выключателем. Спортзал залило светом.

Через дверной проем на каменных стенах Шевцов увидел пулевые отметины.

– Стоять! – громко крикнул майор. – Не двигаться! Если не хочешь, чтобы этот день был последним в твоей жизни. Руки за голову! – Рывком он вырвал ключи и передал их Козыреву.

– Вы не так меня поняли...

– Вам что, мишеней не хватило и вы принялись стены расстреливать?

– Послушай, майор, не надо так напрягаться, – миролюбиво протянул Волков. – Здесь ничего такого нет. Просто ребята побаловались немного, и все.

Омоновцы свое дело знали – мгновенно разбежались по комнатам, шумно распахивая всюду двери, кованные каблуки по-деловому стучали во всех концах помещения.

– Товарищ майор, разрешите доложить? – раздался бодрый голос за спиной.

Шевцов обернулся. Молодой, слегка пучеглазый старлей хищно разглядывал его.

– Уже прибыли?

– Так точно.

– Только без светских церемоний, пожалуйста, окружить этот охранный бордель и не выпускать отсюда никого.

– Уже сделали, товарищ майор, – ответил старший лейтенант, и глаза его при этом еще более округлились.

– Отлично. Проверить документы у всех, кто здесь находится. Сдается мне, тут чего-то нечисто.

– Разрешите выполнять?

– Ступайте.

Омоновец четко развернулся на каблуках и подставил взгляду майора стриженный затылок.

– Товарищ майор, – услышал Шевцов взволнованный голос Алексея, – в одной из комнат, кажется, на полу имеются следы крови.

– Стоять! – стукнул рукоятью в спину пошевелившегося Волкова Шевцов. – А теперь на пол и мордой вниз. Я не люблю слишком прытких. Ну! Пошевеливайся, пока я тебя не опрокинул.

Начальник службы охраны неохотно лег на пол, заложив руки за голову.

– Сцепи его наручниками.

– Понял, – бодро ответил сержант Козырев и умело нацепил браслеты на запястья Волкова. Зловеще лязгнул замок, и пленник взвыл от боли.

– У-у, сука! Кожу прищемил!

– Ничего страшного, потерпишь, – скривился в усмешке Алексей.

– Товарищ майор, – подошел «херувим», – в зале есть еще одна комната, тоже бронированная. Мне кажется, что там кто-то есть.

– С чего ты взял?

– Раздавались какие-то непонятные звуки. Похоже, готовили баррикаду.

Майор Шевцов положил ногу на голову лежащему Волкову и с силой надавил.

– Что делаешь, сука!

– Кто за дверью?

– Постучись, узнаешь, – едко отозвался начальник охраны.

– Ладно, – убрал майор ногу, – мы с ним еще побеседуем, а сейчас под руки его и в бичарник. Народ там собирается исключительно интеллигентный, так что тебе будет о чем побеседовать с ними.

Стоявшие рядом омовцы, напрочь лишённые светских манер, отодрали начальника охраны от пола и, заломив руки за спину, поволокли по коридору. Шевцов успел заметить, что один из бойцов крепко держал его за волосы, отчего голова Волкова была неестественно горделиво запрокинута назад.

– Так где вы обнаружили кровь? – повернулся он к Алексею.

– В спортзале. Такое впечатление, что там было целое побоище. Они не особенно-то оттирали следы крови, она въелась в полы, как краска, – зашагал впереди сержант.

Действительно, в самом конце зала Шевцов увидел темные, почти багровые пятна. Так могла выглядеть только кровь. Приглядевшись, он заметил узкие затертые полосы, явно следы волочения, направлявшиеся в сторону второй бронированной двери.

«Херувим» мгновенно угадал желание майора.

– Для нас это минутное дело. – Улыбнувшись, добавил: – Будет немного шумно, но ничего.

Майор Шевцов знал породу таких людей, отчасти и сам был таким. В «херувиме» проснулся бог войны, которому не терпелось сразиться с целым миром.

Секунду майор колебался, а потом сказал:

– Отставить! Я попробую по-другому, – улыбнулся от неожиданной догадки.

Постучав по злополучной двери, Шевцов прокричал:

– Гражданин Кориков, откройте дверь, мы знаем, что вы здесь. Если не откроете через минуту, она будет взорвана, и мы не отвечаем за все последующее, что может произойти здесь.

Абсолютная тишина. Казалось, что перестали дышать даже обступившие его омовцы.

– Гражданин Кориков, если вы не откроете дверь, мы будем штурмовать комнату, а ваша секретарша предстанет перед судом как соучастница.

Валечка стояла за спиной майора всего лишь метрах в трех. Молодые омовцы наверняка оценили короткую юбку девушки и, возможно, сейчас безо всякого стеснения пялились на ее добротные ляжки. Майор Шевцов не без удовольствия подумал о том, что именно сейчас от лица женщины отошла кровь и она лишилась значительной части своего очарования, представ обыкновенной провинциалкой, впервые попавшей на зрелищную тусовку отборных самцов.

Алексей посмотрел на майора. Шевцов сделал вид, что не заметил его осуждающего взгляда.

– Послушай, Кориков, я не намерен вступать с тобой в философские диспуты. Считаю до пяти, если не откроешь, то можешь пенять на себя. Раз!.. Два!.. Три!.. – Шевцов обернулся и подал знак омовцам, чтобы они подошли поближе. На лице у каждого напряжение, но даже самые молодые из них смотрелись так, будто прошагали с войной половину земного шара. У самых дверей он заметил секретаршу. Рот ее открыт, в глазах откровенный ужас, от прежней очаровательности остались только ноги, да и те будто сделались короче. – Четыре!.. – Майор поднял руку.

– Стойте, – послышался из-за двери приглушенный голос. На минуту установилась пронизывающая тишина. А затем громыхнул замок, и дверь открылась. – Милости прошу, – враждебно прозвучало приглашение, и на пороге Шевцов увидел мужчину тридцати с небольшим лет, в руке тот сжимал гранату. – Очень не люблю незваных гостей. Не дергаться! Мне терять нечего, – говорил он спокойно, будто вместо гранаты в руке у него был букет полевых цветов. – Эй ты, принеси мне ключ от машины, – обратился Кориков к омовцу, стоящему впереди и оторопело, с вытаращенными глазами, взиравшему на гранату. Рука его все выше поднималась вверх, словно гипнозом приковывая к себе взгляды всех присутствующих.

Наверняка каждый думал об одном: сейчас шарахнет гранатой об пол, и куски железа проникнут в мягкое тело, навсегда оставшись в нем смертоносной начинкой.

– Живо! Ключи! Теперь мой черед, только я не буду считать до пяти! – нагнетал ужас Кориков.

– Послушай, Максим Егорович, хватит валять дурака, – негромко и даже как-то по-приятельски проговорил майор Шевцов. – Неужели ты думаешь, будто мы настолько ослепли, что не отличим боевую гранату от учебной?

Кориков неожиданно улыбнулся, изменившись до неузнаваемости. Сейчас перед ними был свойский парень, способный в кругу приятелей травить неприличные анекдоты.

– Глазастый ты, майор, не ожидал. Если бы раньше встретились, может быть, в одной команде водку пили бы.

– Сомневаюсь, – усмехнулся майор. – Слишком у вас, ребята, работенка опасная.

– А ты не без юмора, наверняка мы бы с тобой сработались.

Максим Егорович, чуть размахнувшись, уверенно швырнул гранату в мусорную корзину, и она, зловеще ударившись о жестяные бочка, издала вибрирующий звук.

– Ах ты, гад! – очнулся от оцепенения стоявший рядом боец в камуфляже. – На понт нас хотел взять!

Приклад «АКМ» дернулся вверх, чтобы со всей мощью обрушиться в корпус Корикову. Майор успел заметить, как на миг напряглось лицо директора, – в следующую секунду он нырнет под его правую руку и коленом со всего размаху ткнет в живот раскрывшемуся сержанту.

– Отставить! – крикнул майор, опередив столкновение на сотую долю секунды.

Поднятый автомат, словно бы в ожидании, застыл в воздухе, после чего аккуратно опустился у ноги хозяина.

– Есть отставить!

– В машину его! – коротко распорядился Шевцов.

«Херувим» отделился от стены и, сняв автомат с предохранителя, легонько подтолкнул Корикова к выходу:

– Пошел!

* * *

Через час во двор охранного бюро съехалось едва ли не все милицейское начальство. В сопровождении начальников отделов, двух серьезных полковников, появился и генерал-полковник Прохоров. Антон Игоревич пересек неширокий двор, заставив чуть не в панике расступиться младшие офицерские чины, и бодро, преодолевая по две ступеньки сразу, поднялся по крыльцу. Генерал был размашист и плечист, все в нем было великолепно, а оперный баритон заставлял в волнении замирать всю женскую часть управления. В здании ему было тесновато. Точно так океанская подлодка, оснащенная самым современным атомным оружием, ощущает неудобство вблизи моторных лодок, приспособленных разве что для рыбалки.

Генерал уверенно шел по коридору, словно добрую половину жизни провел в стенах этого здания в качестве обыкновенного сторожа. Встречавшиеся на его пути омовцы отда-

вали честь и предусмотрительно прижимались к шершавой стене. Примерно так же поступают небольшие суда, уступая фарватер могучему кораблю, и главная задача для них – не подставлять борта набежавшей волне.

– Где тут майор Шевцов? – не обращая ни к кому конкретно, спросил Прохоров.

– Следующая дверь направо, – подсказал полковник Крылов, стараясь не отстать от генерала ни на шаг и одновременно радуясь тому, что успел прибыть на место на десять минут раньше.

– Ага! – обрадованно протянул начальник УВД. – Вижу! Вот он, наш герой!

Майор Шевцов, присев на корточки, что-то тщательно изучал на полу, вырисовывал пальцем в воздухе какой-то замысловатый круг. Заметив генерала, он распрямылся, но не поспешно, как это сделал бы опытный служака, обеспокоенный собственной карьерой, знающий, что дальнейшее продвижение частенько зависит от усиленного расшаркивания, а как человек чрезвычайно занятой, которого оторвали от важного дела.

– Товарищ генерал-полковник, разрешите доложить, – без особой прыти произнес Шевцов.

– Ну, докладывай, майор.

– В зале обнаружены крупные пятна крови, особенно их много вот в этом месте, – зашагал майор к противоположной стене. – Вот здесь, – ткнул Шевцов себе под ноги.

– Да, действительно, – невесело протянул генерал, стараясь не наступать на бурые разводы. – И что, по-твоему, здесь произошло?

– Трудно пока сказать, товарищ генерал-полковник, это будет выяснено на следствии. Но смею предположить, что погибшие люди, обнаруженные в микроавтобусе, работали в «Мостранспорте» и были убиты именно здесь.

– Откуда такие предположения?

– Во-первых, большое количество крови. Убит был не один человек и не два, а несколько! Причем сразу. Как мы знаем, из компании «Мостранспорт» одновременно исчезли восемь человек, скорее всего они были убиты, и следы ведут в эту контору. Убиты они были в спортзале. По оставленным на полу следам видно, что тела волокли вниз по коридору и дальше по лестнице, – показал Шевцов в сторону открытой двери.

– Что говорит задержанный?

– Крепкий орешек. Пока молчит, но ничего, расколем. Когда его брали, он нам еще концерт устроил с учебной гранатой.

– Документы у всех проверили?

– Так точно, товарищ генерал-полковник. У всех. Кроме директора фирмы, задержали еще шестерых – незаконное хранение оружия. Ребята здесь работали с размахом, в подвале мы обнаружили несколько комнат, буквально заваленных оружием. Десятка два автоматов «АКМ», несколько «узи», восемь «винчестеров», пять ящиков патронов, столько же гранат. Три десятка пистолетов, причем самых новейших разработок, есть немецкие «вальтеры», американский «глок», французские «юники», польские «радомы», триста килограммов взрывчатки.

– Солидный арсенал, – согласился генерал, – с таким вооружением они могли бы держать круговую оборону как минимум пару недель. Но интересно, каким образом они успели натаскать сюда столько оружия? У тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Мы тут вскрыли сейфы с документами, и обнаружилось – контора имела достаточно высоких покровителей. На многих бумагах визы заговоров силовых министров, что давало им возможность не только носить оружие, но и успешнее раскручивать свою охранную деятельность.

– Вот как? Ладно, разберемся, – сурово пообещал Прохоров. – А моей подписи там случайно нет? – серьезно поинтересовался генерал.

– Не встретил, товарищ генерал-полковник, – едва улыбнувшись, ответил майор.

– Да что ты меня все генерал-полковником-то кличешь? Будь попроще, я для тебя Антон Игоревич. Усек?

– Так точно, Антон Игоревич!

В свое время генерал был крепкий оперативник, об этом знали все, и когда он прибывал на место преступления, в нем мгновенно пробуждался охотничий азарт, какой можно наблюдать у породистого рысака, состарившегося на беговых дорожках. И силы вроде уже не те, и усталость накопилась немалая, но стоит ступить на зеленую траву ипподрома, и как прежде начинает бурлить кровь, а копыта невольно от нарастающего возбуждения барабанят по гулкой земле.

Глаза у генерала Прохорова загорелись почти сатанинским блеском. Он подошел к стене, ковырнул ногтем пулевую отметину и сдержанно заметил:

– А пальба здесь была нешуточная. Все стены, от пола до потолка, в пулевых отметинах. Гильзы нашли?

– Никак нет, товарищ генерал. Обыскали все, вскрыли даже полы, думали, может быть, туда что-нибудь закатилось, но ничего не нашли.

Начальник управления повернулся к полковнику Крылову, который, несмотря на свой немалый рост, оставался почти невидимым, и четко произнес:

– Не расслабляться. Нажимать дальше и докладывать мне по-прежнему каждый час, как продвигается дело.

Ни с кем не прощаясь, генерал-полковник заторопился к выходу.

Глава 11

Майор Шевцов с интересом разглядывал Корикова.

При первой встрече это не удалось, мешала граната, которой тот размахивал, как венником. Сейчас перед ним сидел спокойный и даже флегматичный мужчина. Трудно было поверить, что еще вчера он представлялся ему сгустком энергии, способным легким прикосновением сокрушить каменную стену. Возможно, в тот момент так оно и было.

Безусловно, Кориков был сильный человек и абсолютно не опасался ни следака, тарасившегося на него с нескрываемым любопытством, ни предстоящего допроса. Похоже, его не беспокоила и собственная судьба, а к своему пребыванию в кутузке он относился философски: ничего страшного не случилось – отсижу положенное да и выйду.

Прежде чем вызвать к себе в кабинет Корикова, Шевцов досконально изучил его досье, навел о нем справки. Сотрудники его фирмы, состоящие в основном из бывших милиционеров, действительно занимались охраной объектов, причем на очень высоком уровне. Кроме этого, они специализировались на том, что добывали информацию, и, как утверждали знающие люди, перед Кориковым распахивались любые двери, а ключи от самых неприступных сейфов у него как будто бы висели на шее. Еще Кориков имел неплохие связи в преступном мире, кое-кто из законных воров были его личными друзьями, и, как следовало из оперативных сводок, он весьма комфортно чувствовал себя на всевозможных преступных сборищах. Поговаривали, что его фирма доставляла грёв в одну из подмосковных колоний.

Максим Егорович Кориков не боялся ничего, это нужно было признать. Не страшила его и зона. Как только господин Кориков попадет за решетку, так мгновенно окажется под опекой влиятельных блатных.

– Ну, чего пялишься, майор? – без всякого раздражения поинтересовался бывший директор фирмы. – Я не красная девица. Или ты того?.. Ну, чего улыбаешься, в ментуре тоже всякие людишки встречаются, приходилось мне знать подобных. Может, лучше сигаретой угостишь, а то в камере у нас с этим напряг. Сунули в какую-то лунявую хату: ни дороги нет на волю и переговорить не с кем.

Шевцов достал пачку сигарет и положил перед Кориковым:

– Кури.

Лениво, как если бы он выкуривал по четыре пачки в день, Максим достал одну сигарету и старательно большим и указательным пальцами размял слежавшийся табак. Сдул с ладони просыпавшиеся желтые соринки и сунул сигаретку в уголок рта.

– Бери всю пачку, – великодушно предложил Шевцов. – Тебе еще понадобится, да и нужно хорошие отношения с сокамерниками устанавливать. На общак дашь несколько штук.

Кориков невесело хмыкнул:

– Это всегда подозрительно, когда мент об арестантах печется. – Но пачку взял и небрежно положил ее в карман. – У меня и так все в порядке. Я там за своего прохожу, если что, меня братва и поддержит, и согреет. А вот если бы ты попал, то тебе несладко пришлось бы. Ну да ладно, – щелкнул он зажигалкой, – за курево спасибо. Буду в камере дымить и тебя вспоминать. Кстати, надолго меня заперли? – невинно поинтересовался он и выпустил в сторону серую струйку дыма.

Майор невольно улыбнулся:

– А ты, я вижу, полон оптимизма, Максим Егорович. За тобой такие серьезные дела значатся, а ты думаешь, что тебя на пятнадцать суток задержали. Наш отдел мелкими хулиганствами не занимается.

– Мне уже говорили об этом.

– Чтобы наша беседа стала доверительной, сначала поговорим о пустяках. – Шевцов сделал небольшую паузу и положил ладонь на папку, лежащую на столе. – Мы знаем, что твоя контора дает «крышу» многим фирмам, в послужном списке значатся даже заводы.

– Ах, это! – небрежно махнул рукой Максим Егорович. – Право, пустяки, – легким шелчком он стряхнул пепел на пол, – скорее всего я занимался благотворительностью. Это куда дешевле милицейских «крыш», насколько мне известно, вы берете уж больно много. А потом, если вы надумаете привлечь меня по такому обвинению, то оно просто не дойдет до суда, рассыплется. Вряд ли кто захочет отказаться от моего покровительства, а тем более свидетельствовать против меня. Что там у вас еще?

– Хранение оружия, взрывчатых веществ, в наше время это очень серьезная статья...

– Но у меня имеются соответствующие разрешения, вам нужно только повнимательнее прочитать все мои бумаги, – не сильно волнуясь, почти перебил Кориков. Держался он на редкость уверенно, будто вместо следственного изолятора его должны препроводить в один из шикарных московских ресторанов. – Все-таки мы охранная фирма и постоянно должны поддерживать свой тонус. Вот вы же тренируетесь в тире?.. Так почему нам не поступать таким же образом, тем более что к нам обращаются влиятельные и состоятельные люди. Кстати, их имена, фамилии занесены в журналы, можете проверить. И они оставались нашей службой весьма довольны.

Майор Шевцов согласно кивнул:

– Да, мы ознакомились с этими данными. Список действительно впечатляет. Со временем мы проведем беседы и с ними, но сегодня меня больше интересуют вы. Ладно, опустим сейчас подобные мелочи, давайте поговорим о главном. Как вы объясните, что в вашем помещении имеются следы от пуль и много следов крови. Ее пролилось столько, что следы подтеков видны даже в подвале.

– Все очень просто, майор, – голос Максима Егоровича звучал без интонаций, словно происходившее не имело к нему никакого отношения. – Люблю порой почудить, знаешь ли, – откинулся он на спинку стула. – Как-то велел своим ребятам привезти со свинофермы пару десятков поросят, а потом от нечего делать стал расстреливать их из пистолетов. Они визжат, а ребятам радость. А потом месяц одними шашлыками питались.

– Интересно очень!

– Еще бы! – охотно поддакнул Максим Егорович. – Работа у нас нервная, вот и хочется иногда расслабиться. Разрядиться, что ли, – очень серьезно заверил он. – Глядишь, посмеемся – и стресс как рукой снимает.

– А ты оригинал!

– Еще какой! – в голосе Корикова появились едва различимые издевательские нотки.

– Глядя на тебя, я бы никогда этого не подумал. Впрочем, этот недостаток со временем мы устраним. Сидеть тебе долго, встречаться нам предстоит часто. Только я хочу сказать, что экспертиза установила: кровь принадлежит не поросятам, а людям. И в спортзале ее обнаружено столько, будто там была расстреляна по меньшей мере половина взвода. А потом отметины на стене, как установлено экспертами, появились от стрельбы не из пистолета, а из автомата, а может, даже пулемета.

– А-а, – неопределенно протянул Кориков и швырнул окурочек в корзину. Помедлив, достал из пачки вторую сигарету. – Странно все это. Что-то я не помню, чтобы там какие-то неприятности произошли.

– Память у тебя очень короткая, гражданин Кориков: грохнуть с десятков человек и напрочь позабыть об этом. А ведь у меня есть свидетели, например, шофер микроавтобуса, на котором ты и твои приятели перевозили трупы. Он узнал тебя сразу.

– Сука! – вырвалось у Максима Егоровича.

– Ты тоже его вспомнил? – живо поинтересовался майор.

– Я о своем... Подумалось.

– Что ж, бывает, – охотно согласился Шевцов. – Только ведь этот водитель не единственный свидетель, твоих людей видели бомжи на свалке, когда те сбрасывали трупы. По фотографиям уже опознали двоих. Ну что, будем отпираться дальше?

– Скажи, майор, а какое отношение все это имеет ко мне? Если убийствами занимались мои люди, так ты и спрашивай с них. Я же им не нянька. Организация у меня большая, у меня и без них полно хлопот.

Майор Шевцов откровенно любовался задержанным. Мужик крепкий, нечего сказать. Против такого может сыграть только сильный козырь.

– Даже если ты к этому делу совсем не причастен, во что я не поверю ни при каких обстоятельствах, – четко, выделяя каждое слово, проговорил Шевцов, – так ты все равно отвечаешь за все, что происходит под крышей твоей фирмы.

– Предположим даже, что это так, – небрежно согласился Кориков. – Одно дело – я получу три года за свое неведение, а другое – лет двадцать как организатор убийства. Меня это вполне устраивает, майор.

Максим Егорович глубоко затынулся и выдохнул тоненькую струйку в сторону собеседника.

Дым прошел в нескольких сантиметрах от лица майора. Он почувствовал ноздрями горьковато-сладкий привкус табака и, подавляя в себе злобу, непроизвольно вцепился пальцами в край стола.

Выждав несколько секунд, майор вырвал изо рта Корикова сигарету и швырнул ее в угол.

– Ты, видно, позабыл, куда пришел, в моей власти доставить тебе массу неприятностей. Ты, похоже, уже думаешь, что на зоне будешь жить королем, а ведь сначала туда нужно попасть, и сделать это следует достойно. А я сейчас возьму да и посажу тебя к петухам, а они до свежатинки больно охочи.

– Послушай, майор, за беспредел и ответить можно.

Шевцов хмыкнул:

– О чем ты говоришь, я в твои игры не играю, может, ты забыл, что я мент?

Чуть скуластое лицо Корикова припорошил снег.

– Ты не сделаешь этого.

– Верно, не сделаю, – согласно кивнул майор. – Я поступлю иначе. Я не стану запирать тебя в петушатнике, ты посидишь в обыкновенной камере, но перед этим я пушу слушок, что ты маньяк. Хобби, знаешь ли, у тебя такое. Как раз в моем районе нашли три изувеченных женских трупа, надо же мне их на кого-то списывать, так уж лучше на такую мразь, как ты. Тем более, ты говоришь, что твою вину не доказать! – Шевцов выглядел совершенно спокойным, но именно показная безмятежность особенно пугала.

Кориков ничем не выдал своего волнения – лицо застыло в маске египетского сфинкса. «А вот пальчики-то дрогнули, – не без удовольствия отметил Вадим, – кому же охота в петушином углу жить?»

– Я тоже имею кое-какие возможности, майор, – сдержанно заметил Кориков. – Их вполне хватит, чтобы в ближайшую неделю отправить тебя к праотцам.

– Не о том ты поешь, – без обиды произнес Шевцов. – Пугали меня. И поверь мне, те самцы были поматерее, чем ты, но вот, как видишь, я здравствую и по сей день. Да и ты ведь не из железа создан.

Майор Шевцов с допрашиваемым были ровесниками. Наверняка в молодости они слушали одну и ту же музыку, поклонялись одним и тем же идолам. И, может быть, имели одних и тех же женщин (мир гораздо теснее, чем нам кажется). Значит, в какой-то степени являлись молочными братьями.

Будь судьба к Шевцову не столь милосердной, он вместо майорских погон, возможно, носил бы арестантскую робу, и это немудрено, если в юности культ силы был куда престижнее романтических отношений между мужчиной и женщиной.

Год назад, заглянув в старый дворик своего детства, он не без удивления узнал, что половина его давних приятелей пребывает за решеткой или уже отсидели. Но даже милицейские погоны не помешали ему, как и прежде, распить с друзьями бутылку вина.

– А ты не из пугливых, – одобрительно протянул Кориков. – Ладно, считай, что я пошутил, у ментов своя работа, у нас своя. Наезжать на вас, следаков, это не по понятиям.

– А ты с ними знаком, с понятиями-то?

– Не без того. Только зря ты у меня сигарету вырвал.

– Извиняться не стану, не надейся. Но у меня к тебе есть еще пара невинных вопросов.

Неожиданно лицо Корикова напряглось, а правая рука как-то незаметно скользнула вниз. Шевцов запоздало пожалел о том, что оставил охрану дожидаться за дверью. Проще было бы держать за спиной допрашиваемого пару крепких омоновцев, а руки задержанного прикрепить браслетами к столу и при каждом неуважительном слове поучать его увесистой дубинкой.

Шевцов осмотрел кабинет – для борьбы он был тесноват, не очень-то разгуляешься. Единственное, что Кориков сможет сделать в данной ситуации, так это обеими руками опрокинуть на него стол, ударом ноги выбить раму, далее пробежать пятнадцать метров по открытому пространству и скрыться в соседнем переулке. Пройдет с десятков секунд, прежде чем сообразят, в чем дело, а их будет вполне достаточно, чтобы умчаться на попутной машине. А там уже достать Корикова будет почти невозможно. С его крепкими криминальными связями детской забавой станет организовать фальшивый паспорт.

С месяц он будет скрываться где-нибудь в затхлой российской глубинке, а потом затеряется в цивилильной Европе.

Самое скверное, что Шевцов не успеет ничего предпринять, – обрушившийся стол разобьет грудь, и потом ему долго придется кашлять кровью. Приподняться бы, чтоб ударом ноги отшвырнуть от себя стол, но такой прием может только спровоцировать дальнейшие действия.

И словно угадав течение мыслей майора, Кориков положил ладони поверх полированного стола:

– Не беспокойся, майор, дергаться я не стану. Ты вот не заметил, а я увидел, что у самого входа стоит пара автоматчиков. Видно, ожидают, что я способен выкинуть какую-нибудь глупость. Не дождутся! А тебя не предупредили о такой страховке-то, а, майор? – задиристо поинтересовался Максим Егорович. – Будто не доверяют тебе.

– Я не обидчивый, – в тон ему ответил Шевцов.

– И все-таки что вы имеете против меня? Неужели вы думаете, что необоснованные предположения могут устроить судьбу?

– Я вижу, ты серьезный человек, и мне все больше это нравится. На зоне таких уважают. Так вот, я хочу тебе сказать, что тебя сдали, причем с потрохами. Я уже знаю, что вас было двенадцать человек: четверо твоих, а остальные со стороны. Пока ты сидишь в следственном изоляторе, я успел переговорить с твоими людьми, и они полностью подтвердили полученную информацию.

– Что ты им обещал взамен?

– За содействие следствию они получают небольшие сроки.

– По ушам проезжаешь, начальник.

– Так вот я хочу сказать, что ты являешься главным организатором и основным исполнителем преступления. По фотографиям твои люди опознали убитых, все они работали в компании «Мостранспорт». Могу дать еще кое-какие детали, чтобы ты не сомневался в моей осведомленности. Вы сначала хотели их расчленить и потихонечку вывезти, так сказать, по частям. Потом посчитали, что это дело слишком хлопотное, ведь кому-то надо же рубить десять тру-

пов! А подобную процедуру психика не каждого выдержит. Здесь нужны по-настоящему крепкие нервы, вот вы и решили воспользоваться микроавтобусом. Вам бы, конечно, надо было бы как-то справляться своими силами, но в это время все ваши автобусы были на объектах, и вы решили угнать первую подвернувшуюся машину. Могу дополнить свой рассказ еще многими подробностями. У меня их хватает на несколько папок, не считая видеокассет. Так продолжать?

– Не надо, вижу, что действительно знаешь много. Кто же меня выдал? Начальник охраны Волков?

Шевцов с улыбкой пожал плечами:

– Скажем так, у меня имеются кое-какие оперативные источники.

– Волков, падла, выдал! А ведь я ему верил, почти как себе. Он бы тоже просто так не раскололся, на чем вы его взяли? Нашли какие-то старые грешки? Говорил я себе, что нужно брать людей на службу с безупречной репутацией!

– Так что же ты мне ответишь?

– Хорошо, было дело. Замочили мы их.

– Так, продолжай.

– А чего тут продолжать, – хмыкнул неопределенно Кориков. – На мою фирму был наезд. Причем по-крупному. Сам понимаешь, такие вещи не прощаются. Я вызвал свою «крышу», вот они... с ними и разобрались.

– Что это за люди?

Кориков печально улыбнулся:

– Напрасно стараешься, майор. «Крышу» я вам не сдам. Все-таки мне еще лет пятнадцать на зоне париться. Должен же меня кто-то греть.

Глава 12

Каждый день с одиннадцати часов до полпервого дня Максим Корилов проводил в спортзале. Здесь же, в спортивном комплексе на первом этаже, располагался большой бассейн, где можно было поплескаться после рабочего дня, а при желании для подъехавших друзей организовать девочек. В небольшом флигельке находился великолепный тир, где можно было побаловаться практически любым стрелковым оружием. Максим Егорович предпочитал пистолеты. Автомат, конечно же, сильная вещь, но стрелок никогда не ощущает себя с ним как единое целое, с пистолетом обстоит иначе – даже нацеленный ствол внешне воспринимается как продолжение руки.

В этот раз Корилов решил поупражняться по полной программе – часа полтора потрудиться на татами, отрабатывая броски, затем скоростной заплыв минут на двадцать, после чего стрельба из «ремингтона». В последнее время Максим Егорович выделял именно эту модель револьвера, отдавая себе отчет, что американцы – стреляющая нация и лучше других знают толк в оружии.

Корилов аккуратно повесил костюм на плечики, оглядел критически свою фигуру в огромном двухметровом зеркале, стоящем в раздевалке, и с грустью отметил, что бока начинают слегка оплывать. Руки, как и раньше, сильные и от всего тела веет мощью, но вот прежнего античного вида нет. Форму следует вернуть утомительными тренировками, на которые, к сожалению, остается все меньше времени, и умелым массажем, на который способны только молодые девочки с крепкими пальчиками из самых престижных салонов.

На татами, разминая суставы пальцев, топталось трое парней. Еще три года назад они служили в подразделении «Альфа». Вершина их карьеры – охрана административных районных зданий, и когда им предложили поработать в частной фирме, где ежемесячный оклад раза в три превышал их годовое жалование, то размышления их были недолгими. Кроме финансового благополучия, работа в этой конторе давала еще массу преимуществ. Во-первых, наличие достаточного свободного времени. Во-вторых, отдыхаешь по полной программе и трапишь накопленные деньги в свое удовольствие. В-третьих, знаешь, что практически полностью предоставлен сам себе, и уверен, что тебя не поднимут с постели в два часа ночи, чтобы сопроводить главу администрации. И было бы не обидно, будь это серьезной необходимостью, а не обыкновенной похотью, что оторвала чиновника с дубового кресла и потащила в противоположный конец города к очередной любовнице.

Разумеется, Корилов, как и всякий начальник, был не без странностей, одна из них – он любил пробовать удары на своих сослуживцах, работая при этом в полный контакт. Бывшие «альфовцы» могли лишь едва защищаться, опасаясь нанести директору хоть малейшую травму, впрочем, за те деньги, что он платил за службу, можно было немного и потерпеть.

Максим Егорович встал на ковер, слегка поклонился, как того требовал восточный ритуал, и подошел к первому из троицы – рябому длиннорукому парню с коротенькой стрижкой.

– Ты, – объявил он, ткнув в его грудь согнутым пальцем, – работаем в полный контакт. Готов?

– Готов, Максим Егорович, – отозвался высоким голосом боец и, отступив на полшага назад, выставил вперед ладони.

Несмотря на чужаковатость, директор был сильным соперником, этого у него не отнять, и если он говорил «в полный контакт», значит, следовало рубиться так, как если бы это был последний поединок в жизни.

Два других бойца отошли на край татами, уступив место для схватки. Первым ударил рябой – правой ногой он попытался пнуть Корилова в пах, но Максим поймал его ступню левой

рукой и костяшками пальцев нанес удар в грудь, а мгновением позже умелой подсечкой опрокинул соперника на ковер. Рябой судорожно открывал рот, пытаясь глотнуть спасительную порцию воздуха. Сейчас он представлялся беспомощной мишенью, достаточно было ткнуть пальцем ему в надгортанник, чтобы поставить крест на его дальнейшей службе в охранном бюро. Кориков заметил, как в глазах рябого плеснулся ужас, когда он поднял ладонь, чтобы точным ударом довести бой до логического конца. Спазмы прекратились в тот самый момент, когда рука хозяина неожиданно остановилась всего лишь в нескольких миллиметрах от сонной артерии.

– Считаю, что ты покойник, – неожиданно широко улыбнулся Кориков.

Опершись о грудь поверженного соперника, он быстро поднялся. А рябой шумно вдохнул воздух:

– Спасибо, Максим Егорович.

– За то, что в живых оставил? – усмехнулся Максим.

– За науку. Я вот все хочу у вас спросить, где вы так драться научились.

– Морская пехота, друг мой, – вновь улыбнулся Кориков. – Вот у тебя какое звание?

– Старший лейтенант.

– А я в свое время до капитана третьего ранга дослужился.

– И почему же вы ушли?

– Выперли меня, – простодушно ответил директор, – за то, что однажды не рассчитал силу удара. Так что тебе и в самом деле очень повезло!

Подобное объяснение смахивало на чистосердечное признание, и невольные свидетели, исполнявшие роль присяжных заседателей, всепрощающе заулыбались.

– Бывает!

– Послушайте, вы по какому праву?! Сейчас директор занят, приходите немного попозже! – послышался совсем рядом звонкий голос секретарши. И уже в следующую секунду дверь с громким стуком отворилась, осыпав порог мелкой известью, и в проеме дверей показалось три человека.

– Максим Егорович, – из-за спины гостей показались золотые локоны секретарши. – Я не хотела их пускать, но они даже не пожелали со мной разговаривать и пошли искать вас.

– Все нормально, киска, – улыбнулся Кориков, – я с ними сам поговорю. Иди к себе.

По лицу девушки легкой волной пробежало облегчение, металлическая дверь мягко закрылась, спрятав сияющие глаза секретарши.

– Что вы хотели? – спросил Кориков.

Его внимательные глаза следили за руками нежданных гостей. Но они, как это бывает у людей, абсолютно уверенных в собственной силе, оставались спокойными – никто из троих не пытался выхватить из-под полы автомат, чтобы короткой очередью подрезать всех четверых, никто не сжимал в руках металлических прутьев. Без слов, с каменными лицами они шагнули на татами и остановились в двух шагах от Корикова, угадав в нем главного.

Максим Егорович нашел в себе силы улыбнуться. Для каждого спортсмена спортзал – это храм, а татами для борца то же самое, что для верующего алтарь. И прежде чем ступить на покрытие, будь добр снять обувь.

Подобный поступок был не просто вызовом, его следовало воспринимать как оскорбление. Они вели себя в зале подобно древним язычникам в христианском храме, сбрасывающим с престола культы богослужения. «Гости» не могли не понимать кощунства, Кориков видел это по сжатым губам вошедших.

Среди троих выделялся широкоплечий кавказец с черными густыми усами. «Чеченец», – мгновенно окрестил его Кориков. Другие стояли немного позади, и крепкие мускулистые руки свидетельствовали, что им не чужды спортивные снаряды.

– Ты Кориков? – сдержанно поинтересовался кавказец с едва заметным акцентом.

– Предположим, – ответил Максим, упершись руками в бока.

– Ты отнял права у нашего человека?

– Было дело, забрал права у одного чмо, он у меня машину разбил. Я сказал ему, что пока новую «девяносто девяную» не купит, права не отдам, – во взгляде говорившего – сама доброжелательность. Психологические тренировки в спецвойсках не прошли бесследно.

– А теперь послушай нас. Права ты отдашь без всяких условий, – вновь заговорил чеченец. – Это во-первых. Во-вторых, с тебя за грубость на дороге причитается пять тысяч «зеленых». В-третьих, еще пятьсот баксов за то, что ты назвал уважаемого человека чмом. Он находится под моей охраной, и, следовательно, оскорбление касается лично меня. А я подобного в свой адрес не прощаю никому, – спокойно, выговаривая каждое слово, высказался «гость».

– А кто ты вообще, чтобы так разговаривать?

– Меня зовут Алик, погоняло Смоленский.

На лбу Корикова обозначилась волнистая морщина.

– Что-то я не слышал об Алике Смоленском, – не скрывая брезгливости, протянул он. – Послушай, кто ты такой, ни веса, ни полвеса здесь не имеешь, а так непочтительно разговариваешь с уважаемыми людьми.

Металлическая дверь открылась, и в зал в сопровождении четырех парней вошел начальник охраны Волков.

– Максим, судя по всему, это «шестерки» того хмыря, что был на дороге, а мы с ними общаемся как с людьми. А не лучше ли их подвесить за яйца? – деликатно предложил Волков. – Презабавное будет зрелище.

Незатейливый юмор привел охранников в нешуточный восторг. Глядя на веселье подчиненных, сдержанно улыбнулся и Кориков.

Невозмутимым, словно архейская скала, оставался лишь чеченец. Лица его сопровождающих заметно погрубели. Чеченец повернулся к Волкову и спокойно, но очень напряженным голосом сказал:

– Ты видишь, я разговариваю с вами культурно, пока еще никого не обозвал, никому не нагрубил. Я вижу, вы не умеете разговаривать, так что ваш штраф увеличивается на десять «тонн».

– Послушай... как тебя там, твой базар становится слишком утомительным, – недовольно заметил Кориков. – Ты не думаешь, что у тебя самого очень плохие манеры? Ты пришел ко мне без приглашения и меня же поучаешь, как мне жить в моем доме. А у нас есть такая пословица: в чужой монастырь со своим уставом не суйся. И кто ты, собственно, такой, чтобы без уважения говорить со мной? «Шестерка» своего хозяина? А может, и того проще, он твой любовник? Послушай, приятель, ответь мне откровенно, какую роль ты исполняешь в этом союзе: мужика или бабы? – в открытую издевался Кориков.

Окружающие хохотали над беспомощностью гостей. Неожиданно кавказец вырвал из-за пояса револьвер и наставил его на Корикова.

– А теперь я хочу услышать продолжение, – сделал он шаг вперед. – Так кто там выполнял роль бабы?

– Ты с этой игрушкой поосторожнее, она ведь и пальнуть может, – без всякого страха предупредил Кориков.

– А это мы сейчас проверим, – и он нацелил ствол в самую переносицу директора.

– Если ты меня убьешь, то не выйдешь отсюда живым.

– Ты об этом уже не знаешь, а я попытаюсь.

– Хватит валять дурака! – вдруг громко произнес Волков. – Ты что, нас за лохов каких-то держишь, думаешь, мы не отличим боевой «ствол» от газовой пукалки. Мужики, вяжите их всех, там разберемся, что почем.

Раздался выстрел, он эхом аукнулся во всех углах спортзала, и едкий газ мгновенно заставил слезиться глаза, забился в носоглотку.

Кориков закрыл глаза, зажал рукой нос и побежал в соседнюю комнату. Следом за ним, растирая по щекам брызнувшие слезы, устремилась охрана. Чеченец, размахивая над головой пистолетом, гнал пинками рябого охранника, ослепшего от газа. Двое других, закрыв лица рукавами кимоно, на ощупь выбирались в соседнюю комнату.

Напарник чеченца – белобрысый парень с вытянутым лицом – ухватил за волосы стоявшего рядом охранника и дважды стукнул его лицом о стену. Тот медленно осел, оставив на белой штукатурке красные полосы. Волков, столкнувшись в дверях с третьим гостем, тоже кавказцем, ухватил его за руку и попытался вывернуть кисть. Но проникший в помещение газ заставил его на миг прищуриться, Волков поднял руку к лицу, чтобы унять усиливающуюся резь в глазах, и тотчас согнулся от страшной боли в паху. Другой удар локтем пришелся ему в нос, и начальник охраны опрокинулся прямо в облако распространяющегося газа.

Кориков рывками распахнул двери шкафа и выдернул оттуда укороченный автомат Калашникова. Дернув затвор, он отправил короткую очередь в потолок, осыпав дерущихся пластами штукатурки.

– Лежать!! Всем лежать!! – истошно заорал он, пальнув в стены следующую очередь. – Вот так-то лучше, – примирительно протянул он, увидев, как расторопно выполнили его команду дерущиеся. Даже начальник охраны, уткнувшись лицом в угол, лежал неподвижно, словно опасался, что следующая очередь достанется ему. – А вы чего разлеглись, – хмуро пробасил он, встретив испуганный взгляд рябого. – Подняться и связать их. За что я вам деньги плачу, не мне же делать вашу работу.

Отряхивая мел с камуфляжа, охранники поднялись. Вид побитый, какой бывает у преданных собак, отведавших очередную порцию хозяйских тумачков.

В самом центре комнаты, продолжая сжимать пистолет в руке, лежал чеченец. Ударом ноги Кориков выбил из его ладони оружие, оно, зловеще прошуршав по гладкому линолеуму, безобидно уперлось стволом в стену.

– Ну так что, мы продолжим нашу интеллектуальную беседу? – спросил Кориков, наступив на голову чеченцу. – Ответа не слышу?! Или, может быть, ты язык со страху проглотил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.